

ДОЧЬ ВЕЛЕСА

ПАН ШАФРАН

16+

Пан Шафран
Дочь Велеса

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пан Шафран

Дочь Велеса / Пан Шафран — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06224-5

Во времена настолько стародавние, что всякое упоминание о них поросло ковылем да многовековой пылью, водилась на земле нечисть всякая, обликом своим ужасная да отвратная. Страдал люд простой от козней нежити мерзкой, да только поделать ничего с ней не мог. И не было на земле героя... Погодите-ка... Героя не было, а вот героиня очень даже была. Самая обыкновенная молодая ведунья, только-только закончившая постигать премудрости ведовства. Именно ей и предстояло вступить в неравную схватку с разгулявшейся нечистью...

ISBN 978-5-532-06224-5

© Пан Шафран, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
История первая. Серый волчок	6
История вторая. Мортус	12
История третья. Кадук	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».
Фридрих Ницше, «По ту сторону добра и зла»

Пришли они по лунной тропе, протянувшейся от самого горизонта к подножию огромной скалы, вздыбившейся подобно горбу исполинского чудовища из безмятежной морской глади.

Было их двое. Шли неспешно. Каждый думал о чем-то своем, недоступном другому. И хотя путники казались удивительно похожими, как бывают похожи друг на друга родные братья, было в них и немало различий.

Первый, прячущий строгое, напряженное выражение лица в немного неряшливой густой огненно-рыжей растительности на щеках и подбородке, покрытой частыми желто-бурыми подпалинами, был необычайно высок и мускулист, и легко нес массивный кузнечный молот, небрежно закинув его на богатырское плечо. Другой же, напротив, сухой и жилистый, зябко кутался в медвежью шкуру и в меланхоличной, отрешенной задумчивости беспокойно теребил длинную, до самой груди, высеребренную сединой бороду.

Молча поднялись они на вершину одинокой скалы по высеченной в ее каменном теле лестнице, и склонили головы в немом почтении перед росшим там исполинским дубом, на могучей кроне которого, казалось, покоилось небо, а ствол не смогли бы обнять, взявшись за руки, и с десятков богатырей.

И когда листва непомерного дерева величественно зашуршала им в ответ, словно приветствуя, рыжебородый, тяжело опустив молот на землю, сказал:

– Наше время кончается, брат.

Его спутник неторопливо подошел к дубу и трепетно провел ладонью по шершавой, отозвавшейся теплом коре. Будто бы по-отечески приласкал.

– Такова участь всех живущих, – философски заметил он и, помолчав, с горечью добавил: – Всех. И даже нас.

– Неужели ты не испытываешь страха перед неизбежным концом? – с удивлением вскинув брови, спросил рыжебородый и непринужденно оперся о рукоять молота.

– Уходить, брат мой, не так уж и страшно. Горько видеть, как погибают плоды рук твоих. Печально, если все сотворенное нами сгинет без следа. Пока живы дела наши, будем жить и мы.

Рыжебородый промолчал.

Седовласый же горько усмехнулся и сорвал с ветки желудь. Задумчиво повертев его в руках, он с грустью посмотрел на спутника и, склонив голову, пробормотал:

– Здесь все когда-то началось, пожалуй, здесь всему и суждено закончиться.

История первая. Серый волчок

– Упырь это, как есть упырь, – старательно увещевал деревенский староста. – Сам видал, Ялика.

– Что видел-то? – коротко спросила молодая ведунья, внимательно разглядывая старика.

Тот был явно напуган. В выцветших глазах застыл панический ужас, испещренное морщинами лицо то и дело искажала произвольная гримаса страха. Старик, сам того не замечая, то принимался беспокойно перебирать сухими, сморщенными руками концы пояса, то вдруг начинал лихорадочно охлопывать себя по бокам, словно ища что-то, а потом и вовсе стал по одному выдергивать волоски из и без того жиденькой бороденки.

– Ну, ежели так-то подумать, то ничего особенного я и не углядел, – нехотя сознался он. – Давеча ночью домой возвращался из леса – по ягоды ходил – вот и задержался до темноты. Стало быть, иду и вижу тень какую-то. Вроде человек какой у дома Велимира топчется. Окликнул. Думал, кто из наших.

Староста запнулся, припоминая неприятные подробности, и поежился от омерзения.

– Ну, стало быть, – промямлил он, смутившись. – Тень эта на меня как зыркнула своими буркалами кровавыми – думал, дух мой прямо тут на месте и улетучится. Ну я и тикать отудова. Помню, кроме зенок, еще лапы разглядел – длинные такие с огромными кривыми когтями, что твои серпы. Нет, точно говорю, упырь это!

– Да с чего ты взял, что это упырь? – раздраженно поинтересовалась Ялика.

– Ну, сама посуди, пресветлая, – зачистил староста, не переставая перебирать руками свисающие концы пояса. – Скотина дохнет, а внутри ни кровиночки! По весне вот пастух пропал, думали, волки подрали, ан нет, теперича-то ясно – упырь его схарчил. Ни косточки не оставил. Да и сельчане видывали чудище это. Вот хоть у самого Велимира спроси.

– Ну хорошо, – тяжело вздохнула Ялика, поправляя выбившуюся прядь волос. – Сперва надобно погост проверить. А потом уже с Велимиром твоим потолкуем.

– Добро, – радостно согласился старик. – Тут недалече в лесу, прямо на восход от деревни, потом через речку по мосту. Не заплутаешь.

Выходя на улицу из избы, Ялика услышала за спиной взволнованный шепот старосты.

– Молодая какая, – тихонько запричитал старик, горестно вздыхая. – Как бы не сгинула.

Ей было чуть больше четырех лет, когда страшный пожар унес жизни родителей, а ее, осиротевшую, подобрала и приютила старая травница Яга, взяв к себе в ученицы. Во всяком случае, так ей рассказывала сама старушка, потому что ничего из этого Ялика не помнила. Годы спустя из неказистого и неуклюжего ребенка, плохо ладящего с собственными руками и ногами, она превратилась в семнадцатилетнюю пригожую девицу с точеной фигурой и ладным личиком, на котором лучились искренней добротой и весельем яркие зеленые глаза.

«Хоть сейчас на выданье», – любила приговаривать скупая на похвалу Яга, расчесывая деревянным гребешком пшеничные пряди своей воспитанницы.

Старушка, как могла, старалась передать Ялике премудрости ведовства, обучая приемницу тайным знаниям о природе и окружающем мире, хитростям приготовления колдовских зелий, составлению различных заклинаний и умению понимать речи птиц и животных. Конечно, далеко не все получалось с первой попытки, и тогда молодой ведунье раз за разом приходилось переделывать упражнения под старческое ворчание требовательной Яги.

Приятные воспоминания о проведенных бок о бок с наставницей годах озарили лицо Ялики лучезарной улыбкой.

Следуя указаниям старосты, она быстро нашла деревенский погост. Ярко светило летнее солнце, вокруг торопливо порхали лесные пташки, оглашая окрестности радостным щебета-

нием. К ногам Ялики подбежала рыжая белка, вскарабкалась по подолу цветастого сарафана и, усевшись на плече, нетерпеливо зацокала, требуя угощения.

«Кладбище, как кладбище», – подумала ведунья, бросив беглый взгляд на ряды могил, и погладила белочку.

Целый день провозившись в поисках хоть сколько-нибудь заметных признаков упыря, но так и не найдя таковых, Ялика решила вернуться в деревню уже на закате, когда дневное светило скрылось за лесным частоколом, на прощание окрасив багрянцем редкие облака.

Она едва сделала пару шагов по тропе, как навстречу ей выскочил огромный, куда больше своих обычных собратьев, серо-бурый волк. Зверь оскалился, обнажив ряд снежно-белых клыков, покрытых тягучей слюной.

Ведунья замерла.

Волк, прижимая острые уши к массивной голове, разглядывал Ялику, не переставая скалиться.

– Ступай, серый, своей дорогой, – тихо произнесла она, осторожно делая шаг вперед.

Зверь угрожающе зарычал и попятился вбок, пригибая голову к земле и не сводя с ведуньи недобрый взгляд янтарных глаз.

Что-то в этом настороженном взгляде показалось ей неправильным. Словно в омуте немигающих глаз билась недобрая, потусторонняя мысль.

Неожиданно волк сорвался в прыжок, широко раскрыв алую пасть.

Ялика взвизгнула и зажмурилась, вскидывая руки в попытке заслониться от угрозы.

Но нападения не последовало.

Ведунья медленно открыла глаза. Волка и след простыл, будто и не было его вовсе.

Староста встретил ее на мосту, для храбрости вооружившись вилами.

– Нашла чего? – нетерпеливо спросил он, настороженно оглядываясь по сторонам.

С противоположного берега безымянной речушки донесся протяжный волчий вой.

– Пойдем, дочка, – торопливо заговорил старик, на глазах бледнея. – Скоро совсем стемнеет. И так уже почти ночь на дворе, а ты еще с Велимиром потолковать хотела.

Велимир оказался крепким широкоплечим мужиком с заросшим густой бородой лицом. На вид ему было слегка за сорок.

– За нами отродье явилось, – печально пробасил он, широким жестом приглашая гостью за стол.

– Тетя, а ты ведунья? – спросила светловолосая девчушка лет десяти, теребя подол Яликиного сарафана.

– Леля! – грозно произнес Велимир. – Не мешай! Ступай к матери.

Девочка, шмыгнув носом, убежала в соседнюю комнату.

– Тетя! Спаси нас, пожалуйста, – робко выглянула она из-за приоткрытой двери.

Велимир тяжело вздохнул.

– Леля, дочка моя приёмная, – пояснил он.

– Велимир, ты сказал, что упырь за тобой пришел, – устало спросила Ялика.

– За нами, – поправил мужчина. – Мы с Братиславом, братом Марьяны, жены моей, лет десять назад на колдуна черного охотились. Да вот только не колдун он был. Тогда-то мы об этом еще не ведали, вот и повесили его на осине, а теперича его дух неуспокоенный за нами явился, отмщения требуя.

– Ясно тогда, почему на погосте следов упыриных нет, – задумчиво произнесла Ялика и, помолчав, полюбопытствовала: – А сам-то Братислав где?

– Так нет его уже, – грустно заметил Велимир. – Упырь его и задрал. На прошлой седмице еще. Прихожу я к нему в дом, а там все в кровиче, и только голова евонная, оторванная, на столе стоит. Схоронили то, что было. А теперича, видать, мой черед перед упырем ответ нести.

Он замолчал, собираясь с мыслями. В серых глазах теплился проблеск надежды.

– За себя не прошу, – добавил мужчина. – Грех мой, мне и отвечать. За близких молю. Леля хоть и приемная, а я в ней души не чаю.

– Дух неуспокоенный только своим обидчикам мстит, – тихо сказала Ялика, поразмыслив. – Семейно тронуть не должен.

– Ой, не скажи, пресветлая, – вздохнул Велимир. – Лелька говорит, что ночью кто-то в окна скребется, ее зовет. Сам-то упырь войти не может – видишь, соль везде, вот и зовет выйти.

Ялика оглянулась. Действительно, на пороге и под окнами толстыми линиями были рассыпаны белые соляные кристаллы, тускло мерцавшие в блеклом свете лучин.

– Странно! – задумчиво протянула она. – А другие дети есть? Что говорят?

– Да, сын еще есть, Ярослав, – кивнул мужчина, гордо заулыбавшись. – Говорить – не говорит еще по малолетству.

Из соседней комнаты донесся истошный женский крик, сменившийся надрывным детским плачем.

Велимир побледнел, вскочил, опрокинув стул, и кинулся туда, по пути выхватывая охотничий нож, висевший на поясе. Ялика торопливо последовала за ним.

Первое, что она заметила, влетев в комнату следом за главой семьи, было распахнутое настежь окно. Подбежав к нему, ведунья аккуратно выглянула наружу.

– Вы-ы-с-с-у-у-ш-ш-у! Вы-ы-пью-ю! – услышала Ялика злобное шипение.

Тотчас перед ней выросла высокая массивная фигура, будто бы собравшись воедино из лоскутов ночной тьмы. Мертвенно-серая кожа существа влажно поблескивала, отражая неяркий свет звезд и неполной луны. Лишь отдаленно напоминающее человеческое лицо морда, покрытая сочащимися сукровицей и гноем струпьями, была искажена гримасой ненависти. Кроваво-красные глаза в черных прожилках лопнувших сосудов горели потусторонним огнем. Из-под тонких пепельно-серых губ выглядывали длинные острые клыки. Упырь занес руку для удара. Сверкнули серповидные когти.

Ялика отпрянула назад, захлопывая ставни.

Существо протяжно завывало, вскинув вверх лысую голову, и скрылось во тьме.

Сердце ведуньи бешено заколотилось, норовя выскочить из груди. Еще бы чуть-чуть, и она могла остаться без головы. Ялика перевела дыхание, отходя от окна.

– Что там? – с дрожью в голосе спросил Велимир, обнимая за плечи плачущую дочь.

– Там волчонок был, – всхлипывала Леля, размазывая слезы по личику. – Поиграть звал.

– Тебе что говорили? – налетала на нее Марьяна, прижимая к груди малолетнего сына, заходившегося истошным криком.

Ялика окинула женщину оценивающим взглядом.

Невысокая Марьяна производила впечатление властного и требовательного человека. Несмотря на некоторую угловатость, лицо женщины могло быть довольно приятным, если бы не презрительный взгляд серо-стальных глаз, более всего походивших на бездонные омуты, от которых веяло отстраненностью и холодом.

– Почто ты окно отворила? – резкий визгливый голос женщины заставил Ялику вздрогнуть.

– Тихо, Марьяна, – попытался утихомирить жену Велимир.

– А ты не встревай! – взъерилась та. – Не твоя она дочь! Из-за тебя все это!

Ялика, поморщившись, вздохнула. Визгливые упреки женщины показались ей несправедливыми, и были неприятны.

– Есть средство, – тихо произнесла она. – Велимир, нужна будет твоя кровь.

Сглотнув, мужчина кивнул, соглашаясь.

– Скоро упырь вернется, – продолжила ведунья. – Поторопиться надобно.

Приготовление зелья не заняло много времени. Благо, что почти все требуемое уже имелось в походной котомке, заранее собранной заботливой Ягой перед тем, как отправить воспитанницу самостоятельно разбираться с напастью, свалившейся на деревню.

Ялика ссыпала в принесенную ворчащей Марьяной чашу толченный змеевик-камень, добавила серебряной пыли и щепотку соли.

Велимир внимательно слушал ее бормотание.

– Змеевик – основа, чтобы все связать воедино, соль и серебро, чтобы разрушить плоть, – по памяти повторяла наставления Яги молодая ведунья. – Мертвая вода, чтобы привязать дух к миру мертвых.

Она достала из котомки прозрачный пузырек, в котором плескалась черная маслянистая жидкость, и вылила ее в чашу.

– Теперь твой черед, – обратилась она к затаившему дыхание мужчине.

– Много нужно? – деловито осведомился Велимир.

– Нет, – коротко ответила Ялика.

Мужчина задумался, а потом отрывисто полоснул ножом по левой ладони.

Темная кровь тягуче закапала в подставленную чашу из сжатого кулака.

– И капля моей, – прошептала ведунья. – Чтобы чары меня слушались, – пояснила она, заметив удивленный взгляд Велимира, и проколола себе указательный палец.

Получившееся зелье зашипело и задымилось.

– Готово! – удовлетворившись полученным результатом, заявила ведунья. – Теперь идем. Нужно упыря выманить.

Мужчина направился к двери. Взяв чашу двумя руками, Ялика последовала за ним.

Шедший впереди Велимир сделал шаг за порог.

И отлетел куда-то в сторону, снесенный могучим ударом.

Ялика, стараясь не расплескать зелье, кинулась наружу.

Упырь навис над поверженным Велимиром, занося руку для смертельного удара.

Подбежав к чудовищу, Ялика выплеснула содержимое чаши прямо ему в морду.

– Сгинь туда, откуда пришел! – выкрикнула она, на всякий случай предусмотрительно отступив на шаг назад.

Упырь завыл, беспорядочно размахивая руками в тщетных попытках стряхнуть с себя зелье.

Запахло паленой плотью.

Оттолкнув ведунью, ревущее от нестерпимой боли чудовище рванулось куда-то вбок и, оставив поверженного Велимира беспомощно лежать на земле, скрылось в ночном сумраке.

Не удержавшись на ногах, Ялика от полученного тычка завалилась назад и, приложившись головой о тесаные бревна избы, осела на землю безвольной куклой, теряя сознание.

«Так не должно быть!» – успела подумать она, прежде чем окунуться во тьму беспомыслия.

***

Сознание возвращалось медленно и болезненно. Раскалывалась голова.

«Шишка, наверное, будет», – промелькнула мысль.

Ялика с трудом разлепила глаза. Она лежала на кровати, заботливо укрытая лоскутным одеялом. За занавешенным окном ярко светило летнее солнце.

– Крепко же тебе досталось, доченька, – заметил вошедший в комнату деревенский староста. – Ты лежи, лежи, – заботливо произнес он, заметив попытки Ялики подняться.

– Тело... – прошептала она сухими губами.

– Нашли, – ответил старик, подавая деревянный ковшик, наполненный студеной колодезной водой. – Утром река к берегу прибила. Там от человека-то ничего и не осталось. Одна гниль.

Напившись, Ялика расслабленно откинулась на подушку и забылась тяжелым сном.

Проснулась она глубокой ночью от тихого шепота, доносившегося из соседней комнаты. Прислушалась, стараясь уловить суть разговора.

– Он это! Наш Микула! – произнес незнакомый голос. – Утоп, да вот аж сюда река его вынесла. За столько-то верст.

– Уверен? – переспросил староста.

– А как же, у него на шее еще топорик маленький бронзовый висел, на шнурке кожаном.

Ялика мигом вскочила с кровати. Распахнув дверь, она резко спросила старосту:

– Тело что, нашли? Подвес? Был?

Моргнув, старик кивнул.

Ялика, не разбирая дороги, кинулась наружу.

Изба Велимира встретила ведунью широко распахнутой дверью. Едва Ялика переступила порог, ее замутило. На полу искореженной грудой кровотокающей плоти и изломанных костей лежал Велимир, широко раскинув руки и уставившись в потолок невидящими глазами.

В глубине комнаты Ялика услышала тихие детские всхлипывания и задыхающийся женский голос.

– Нет, детей не трогай, меня забери! – хрипела Марьяна.

Упырь, сжимавший одной рукой горло женщины, взмахнул другой, вспарывая острыми когтями тело несчастной снизу вверх.

Ялика истошно завизжала.

Чудовище, отбрасывая в сторону безвольное тело Марьяны, обернулось на шум, встретившись с ведуньей взглядом. И ничего, кроме неутолимой злобы и ненависти, не было в этом взгляде.

Ялика отступила на шаг. Упырь, зарычав, двинулся к ней.

Маленькая детская фигура, зажав в руке что-то протяжно блеснувшие в неярком свете, стремительной тенью накинулась на чудовище сзади. Монстр взвыл от боли в распоротой ноге и рухнул на четвереньки. Словно обезумев и не видя ничего перед собой, девчушка беспорядочно замолотила ножом по телу упыря. И уже один из следующих ударов по счастливой случайности попал точно в сердце чудища. Оглушающий вой тут же перешел в едва слышный придушенный хрип. Чудовище медленно завалилось на пол, осыпаясь грудой серого пепла.

Леля отшвырнула в сторону обыкновенный кухонный нож и, прикрыв лицо перепачканными в крови руками, тихонько заплакала.

Убедившись, что девочка цела, Ялика кинулась к лежащей на полу Марьяне. Если не спасти – на что надежды, считай, и не было – так хоть облегчить той последние мгновения.

– Все закончилось? – едва шевеля бескровными губами, прошептала женщина.

– Думаю, да, – кивнула ведунья.

– Дети? – прохрипела Марьяна, захлебываясь кровью. – Он хотел Лелю забрать, сделать себе подобной.

– Целы, – коротко отозвалась Ялика и удивленно спросила: – Ты его знала?

– Да, – с трудом выговорила умирающая. – Муж мой, первый. Леля его дочь. А я его отравила, не хотела с ним жить. Велимира полюбила. А он меня отпускать не хотел.

– А Братислав все знал и скрыл? – догадалась Ялика.

Марьяна, кивнув, зашлась кровавым кашлем и судорожно вздохнув, обмякла.

***

– Удалось тебе дело твое первое, самостоятельное? – спросила Яга, встречая на пороге мрачную ведунью.

– Не совсем, бабушка, – печально вздохнула та, входя в избу.

– Ну ничего, молодо-зелено, – утешительно заметила наставница.

– Да вот только детки сиротами сделались из-за моей глупости, – сквозь прорвавшиеся вдруг слезы выговорила Ялика и обняла старушку, уткнувшись носом в ее плечо.

Яга ласково погладила ее по голове.

– Пойдем, чаем тебя напою, – вымолвила она и, отстранившись, вытерла сухой ладонью слезы с лица Ялики. – А ты мне все расскажешь без утайки.

Молча выслушав сбивчивый рассказ, Яга тихо сказала, покачивая седой головой:

– За свои ошибки да промахи нам всем рано или поздно ответ держать. – И помолчав, добавила уже громче: – Не кручинься. Теперь на свете хоть одним чудовищем меньше будет. С детьми-то что?

– Их староста приютил, – ответила Ялика, тоскливо разглядывая дно опустевшей кружки. – Сказал, дескать, сам детей да внуков не нажил, так пушай на старости лет чужие отрадой сделаются.

– Надо бы за Лелей приглядеть, – пробормотала Яга, подливая воспитаннице свежий чай. – Смышленная да смелая девица подрастает. Придет время, может, и в ученицы возьму. Это ж надо супротив упря с голыми руками! Не каждый мужик сдюжит, а тут ребенок малолетний!

История вторая. Мортус

К вечеру извилистая тропинка неожиданно вынырнула из темного леса и змеей устремилась через заросшее невысокой ярко-зеленой травой поле к виднеющемуся чуть вдалеке пригорку. Пузатый мохнатый шмель басовито зажужжал над плечом Ялики, норовя усесться на яркий цветок, вышитый на ее сарафане.

– Вот глупый, – усмехнулась она, прогоняя того взмахом руки.

Шмель досадливо загудел и, сделав размашистый круг над головой девушки, скрылся в небесном мареве.

Из глубины леса раздался довольный смех, похожий на уханье потревоженного филина. Ялика обернулась к чащобе и беззлобно погрозила кулаком.

– Леший, проказник, – добродушно произнесла она. – Смотри у меня! И на тебя управа найдется, ежели добрых путников промеж трех елей водить будешь.

В ответ донесся все тот же ухающий смех, с готовностью подхваченный раскатистым эхом. Молодая ворожея негодуяще покачала головой и, подставив лицо ласковым лучам заходящего солнца, торопливо зашагала по извилистой тропинке.

За невысоким пригорком притаился крохотный хутор. Добротный бревенчатый дом, просторный хлев, каменный колодец, с любовью возделанный огород да ухоженный яблоневый сад – вот и все нехитрое хозяйство, окруженное деревянным забором с резными воротами. Вокруг повисла гнетущая тишина. Лишь стая ворон, кружащая высоко в небе, оглашала окрестности тревожным карканьем. Ялика проводила воронье обеспокоенным взглядом и нервно поежилась.

Цветущий хутор не производил впечатления покинутого, но отсутствие мало-мальски заметных признаков жизни и распахнутые настежь створки ворот наводили на тяжелые размышления о судьбе его обитателей.

– Есть кто? – громко спросила она, с опаской входя на пустынный двор и тревожно оглядываясь.

Слюдяные окна молчаливо блеснули в ответ лучами багровеющего солнца, окрашивая все вокруг в алеющие цвета крови, да налетевший порыв показавшегося ледяным ветра коварно звякнул подвешенным над колодцем жестяным ведром, заставив Ялику трусливо вздрогнуть.

– Жуть какая, – едва слышно пробормотала она в неловкой попытке разогнать скребущую разум тишину.

С трудом переборов настойчивое желание покинуть зловещий хутор, Ялика поднялась на крыльцо жилого дома. На секунду застыв в нерешительности, аккуратно толкнула незапертую дверь и вошла в горницу.

Дыханье перехватило от приторного зловония разлагающейся плоти. С округлившимися от отвращения глазами Ялика уставилась на мерзкое, почти безволосое создание, отдаленно похожее на крысу-переростка, копошащееся в груди гниющего мяса, некогда бывшей живыми людьми. Вырвав очередной кусок сочащейся тухлой слизью плоти, чудовище повело заостренной мордой и резко повернулось к окаменевшей ворожее, выронив на пол свою добычу. Буравя незваную гостью налитыми потусторонним огнем буркалами, чудовище угрожающе зарычало, оскалившись жуткой ухмылкой изогнутых, покрытых тягучей слюной и ошметками гнилого мяса клыков, а потом, ошестившись редкой шерстью на загривке, напряжилось, готовясь к прыжку.

– На пол, дуреха! – вырвал Ялику из оцепенения сиплый мужской голос.

Чудовище распрямилось, взмывая высоко в воздух. Черные изогнутые когти устремились к горлу растерянно застывшей ворожее. Вскинув руки в отчаянной попытке защититься, та

инстинктивно отшатнулась назад и, поскользнувшись на лужице дурнопахнущей жижи, бесильно рухнула на пол. Стремительное падение и уберегло ее от неминуемой смерти в сомкнувшихся на горле окровавленных челюстях.

Кошмарный зверь отлетел в сторону, снесённый точным попаданием беззвучно мелькнувшей серебряной молнии, и забился в конвульсиях у стены, разбрызгивая черную дымящуюся кровь и едкую слюну. Из его горла торчало оперение глубоко увязшего в гноящейся плоти арбалетного болта.

Словно материализовавшись из тени, высокая мужская фигура в длинном до пят кожаном плаще и широкополой шляпе подлетела к вздрагивающему чудовищу, отбрасывая в сторону бесполезный арбалет, и, широко замахнувшись, всадило зазубренный, сверкнувший серебряной кинжал в безволосую, покрытую слизью и гноем грудь создания. Оно, вздрогнув, испустило протяжный хрип и наконец затихло.

– Ты как? Жива? – спросил незнакомец поднимающуюся на ноги ворожею и, облегченно вздохнув, снял маску с изогнутым птичьим носом и стеклянными окулярами глаз.

Труп чудовища задымился, наполняя помещение удушливой вонью, и осыпался черным пеплом.

– Ты кто? – испуганно спросила Ялика, настороженно рассматривая своего неожиданного спасителя.

На вид тому было около сорока лет. Худое изможденное лицо покрывала многодневная щетина. Коротко стриженные волосы казались снежно-белыми от преждевременной седины. Несгибаемая воля билась в серо-стальных глазах, печальный взгляд которых скрывал давнюю, но все ещё не забытую боль.

– Потом вопросы, – коротко бросил мужчина, носком ботинка разворошив груды черного пепла, оставшегося от убитого зверя. Подняв серебряный арбалетный болт, он устало добавил: – Здесь все нужно сжечь.

***

Порывы ветра уносили искры полыхающего пожарища высоко в сумеречное небо. Ярость бушующего огня, жадно пожирающего следы недавнего побоища, чувствовалась даже на пригорке, опаяя жаром две замершие на вершине молчаливые фигуры.

– Ты ворожея, – вдруг невпопад заключил мужчина, не отрывая взгляда от языков пламени, жадно тянущихся к небу.

Ялика промолчала.

– Я чувствую, – согласно кивнул незнакомец и, отвернувшись, неторопливо пошел прочь в сторону темнеющей вдали громады леса.

– Подожди, – закричала ему вслед Ялика, раздраженно взмахнув волной пшеничных волос. – Может, ты хоть объяснишь, что здесь произошло?

Мужчина замер на полушаге, задумчиво посмотрел на искрящееся первыми звездами небо и коротко бросил:

– Идем.

До самой опушки леса странный попутчик не проронил больше ни слова. Лишь когда они достигли того места, где тропа терялась среди лесного частогокола, он неожиданно заявил:

– Заночуем здесь.

Под недоумевающим взором Ялики незнакомец собрал сухой хворост и неспешно развел костер.

– Умойся иди, – бросил он мимоходом, придирчиво оценив её замызганный вид. – Чуть дальше в лесу ручей есть.

– Знаю, была уже тут, – недовольно огрызнулась Ялика и горделиво удалилась, скрывшись среди древесных стволов и кустарников, что-то презрительно бормоча себе под нос.

Вернувшись, она застала мужчину сидящим перед костром на расстеленном плаще и меланхолично жующим кусок вяленого мяса. Услышав тихие шаги, незнакомец резко обернулся.

– Есть хочешь? – отрывисто спросил он.

– Нет, – Ялика наморщила нос. – До сих пор во рту отвратительный вкус стоит.

– Ну, как знаешь, – равнодушно согласился седовласый и, отведя взгляд, принялся безучастно наблюдать за игрой огненных всполохов костра.

– Тебя звать-то как? – поинтересовалась ворожея, присаживаясь рядом.

– Мортус, – буркнул тот, не переставая жевать.

– Странное имя, – удивилась Ялика. – Не похоже на настоящее.

– К чему тебе мое имя? – ответил мужчина, вскидывая брови. – По-хорошему, тебе со мной и встречаться-то не стоило. Зачем в дом полезла?

Ялика недоуменно пожала плечами.

– Думала, помощь какая нужна. А там это... зверь этот, – прошептала она неуверенно.

– Демон, – поправил Мортус.

– Какой? – не поняла ворожея, нахмурившись.

– Древний, – уточнил седовласый, заглянув в глаза смутившейся под его пристальным взглядом Ялики. – Древний, чуть ли не древнее самой земли.

– Но ты ведь его убил, – то ли спросила, то ли заключила она, зябко поведя плечами.

– Эх, кабы все так просто было, дочка, – горестно вздохнул Мортус.

– Ялика, – чуть кивнув головой, поправила ворожея, которой подобное обращение совсем не пришлось по нраву.

– Какая разница? Это не имеет никакого значения, – ухмыльнулся мужчина.

– Ты можешь все складно объяснить? – с трудом сдерживая нахлынувшую волну раздражения, процедила сквозь зубы Ялика, которую странная обрывистая речь собеседника начала выводить из себя.

– Могу, – равнодушно кивнул Мортус. – Только ты сначала скажи, та тварь тебя не зацепила?

– Нет, – растерянно произнесла ошарашенная совершенно неожиданным вопросом Ялика.

– Славно, а то пришлось бы и тебя убить, – меланхолично заключил седовласый. – Зверь, что напал на тебя в доме, хм... – Он замолчал на мгновение, словно подбирая слова, и чуть погодя неспешно продолжил: – Тот зверь – вестник гораздо более древней и опасной силы, зародившейся чуть ли не с началом времен. Через него она питается, поглощая плоть и души умерщвленных им.

– Откуда ты это знаешь? – потребовала объяснений Ялика, разглядывая собеседника со смесью недоверия и любопытства.

– Да потому, что я был одной из жертв этого демона, – с яростью, чуть ли не переходя на крик, заявил Мортус, уставившись на ворожею безумными глазами. – И я могу его видеть. Вернее, его... хм... образ в нашем мире. Вижу, как он насылает болезнь, которую все принимают за чуму; вижу, как он медленно высасывает из заболевшего силы; вижу, как приходят в наш мир его звери; вижу, как они пожирают плоть умирающих, насыщая своего хозяина...

– Как же все это можно углядеть-то? – нетерпеливо перебила его Ялика.

– Таково мое проклятье, – печально вздохнул Мортус, успокаиваясь и отводя взгляд.

– Ты или лжешь, – упрямо мотнула головой девушка, скептически поджав губы. – Или не говоришь всей правды.

Мужчина раздосадовано вскочил со своего места и принялся нервно мерить шагами пространство в круге света. Ялика молча наблюдала за ним, готовясь в любой момент вскочить. Мало ли что взбредет в голову этому чудаковатому человеку.

– Разве это так важно? – наконец нарушил затянувшееся молчание Мортус, остановившись в паре шагов от ворожеи, нависая над ней угрожающей тенью.

– Да, – коротко кивнула та, чуть помедлив. – От этого зависит помогу ли я тебе или нет.

Мортус расхохотался раскатисто и совершенно не стесняясь. Неожиданно его смех оборвался. Тень догадки промелькнула по лицу мужчины. Он уставился на опешившую ворожею, растерянно и непонимающе хлопающую глазами, странным взглядом, в котором читалась смесь надежды и любопытства.

– Ты же видела зверя? – вдруг вкрадчиво спросил Мортус.

– Видела, – Ялика занервничала, сама не отдавая себе в этом отчет.

Отблески костра заиграли в сделавшихся непроницаемо-черными зрачках мужчины, от чего тот приобрел потусторонний демонический вид.

– Может, дитя, ты и сможешь мне помочь, – задумчиво протянул он, проводя ладонью по щетинистому подбородку. – Тут такое дело, зверя дано увидеть не каждому. Если верить древним легендам и сказаниям, то вестника демона может узреть тот, кто его призвал в наш мир... Или же те немногие, кто способен узреть изнанку мироздания, кто волшебной повелевает. Ты, очевидно, одна их них. Так я и догадался о твоём ремесле...

– Значит, ты был тем, кто призвал этого древнего демона, – перебив неспешную речь Мортуса, заключила Ялика.

– Догадливая, – удовлетворенно кивнул тот. – Да, его призвал я, и это моя вина и проклятие. Но, клянусь небесами, я не хотел таких последствий. Когда-то давно, – печально и отстраненно продолжил Мортус, как-то разом сторбившись, бессильно опустив плечи, – жил в небольшом селе паренек, кузнецом был, все, как и у всех вокруг: дом, небольшое хозяйство, красавица жена на сносях... Да вот только в тех краях боярин лютой очень был – кровь любил проливать почем зря, насильничал, словом, зло творил страшное. Приглянулась боярину тому жена кузнеца, не посмотрел, что та скоро разродиться должна... Выкрал ее, когда кузнеца дома не было.

Мортус тяжело вздохнул. В уголках его глаз заблестели слезы. Он сжал кулаки в бессильной злобе.

– Насытив похоть свою, отдал он деваху на поруганье своим холопам. Вернулась та домой, кровью истекая, а утром умерла, так и не явив дитя на свет, – голос мужчины задрожал, переходя на сбивчивый шёпот. – Уж сколько паренек не зывал к Богам, возмездия требуя, те глухи к его мольбам оставались. Взял тогда он топор в отчаянии, да пошел к барину – убить хотел. Только вот холопы боярские высекли его так, что кожа лоскутами висела, да выкинули в канаву придорожную, подыхать. Тогда-то к нему, умирающему, демон и заявился. Пообещал тело исцелить в обмен на душу. Месть осуществить обещал.

– И он, конечно, согласился, – сухо констатировала Ялика, разворошив затухающий костер хворостиной.

– Согласился, – печально кивнул Мортус и опустился рядом с ворожеей, уставившись невидящим взглядом на радостно заплывавшие языки пламени. – Свершил мечь демон, мор наслав на боярина и его холопов, а следом и село вымерло... Не ведал я тогда, что моя душа ему нужна была только за тем, чтобы его в наш мир впустить. Я держу врата между мирами – тело с одной стороны, плененная душа с другой.

– Душа мне твоя не доступна, – медленно произнесла Ялика, вскакивая. – Но тело-то здесь.

По ее рукам заплывали зеленые огоньки, окутывая ладони бледно-зеленой дрожащей и извивающейся пеленой.

– Попробуй, – горько усмехнулся Мортус. – Думаешь, я не пытался, когда все осознал?

Он выхватил из ножен серебряный кинжал и отрывисто полоснул себя по ладони. Вместо крови из свежей раны устремился к небу черный вьющийся дымок.

– Ты еще не поняла, пресветлая? – ухмыльнулся мужчина, переворачивая ладонь, из которой на землю посыпался темный пепел.

Мортус сжал руку в кулак и, раскрыв, протянул навстречу ошеломленной Ялике. Та не поверила своим глазам – от раны не осталось и следа.

– Я давно не человек, – пояснил он. – Пока моя душа в плену у демона, мое тело бессмертно. Так врата между мирами остаются открытыми. А мне только и остается, что бродить по свету, уничтожая, где могу, зверей демона, иначе его зараза расползется по всему миру. Может, хоть так я смогу хотя бы частично искупить свою вину. Знаешь, зачем мне этот маскаррад?

Мужчина повертел в руках странную птичью маску и нацепил ее на лицо, уставившись на ворожею стеклянными глазами-окулярами. Ялика взмахнула руками, рассеивая в воздухе окутывающее их свечение, и отрицательно мотнула головой.

– Чтобы звери не узнали меня, и их хозяин не отобрал у меня последнее, что осталось для меня ценным, – голос мужчины стал сиплым и приглушенным. – Мой разум и мою волю.

Он с раздражением сдернул с лица маску и резким взмахом руки отшвырнул ее в сторону.

– Рано или поздно ты ошибешься, – прошептала Ялика. – И тогда демона уже ничего не остановит.

– Я боюсь этого момента, – Мортус обреченно опустил голову.

– Ты знаешь, как его уничтожить? – спросила ворожея, чуть помедлив.

– Его нельзя уничтожить, он часть мироздания, всегда был и всегда будет, до конца времен, – отстраненно произнес мужчина, не поднимая головы. – Можно лишь закрыть врата, связывающие наши миры.

– Как? – нетерпеливо вцепившись в его плечи, поинтересовалась Ялика.

Отстранившись, тот поднял взгляд на нее и хрипло произнес:

– Моя душа стала частью сущности демона. Если призвать мою душу, то следом в наш мир и он сам явится, воплотясь в моем теле.

Он замолчал, собираясь с мыслями.

– Ну же! – поторопила его Ялика.

Мужчина меланхолично повертел в руках кинжал, которым недавно разрезал себе ладонь.

– Если его вонзить мне в сердце в тот момент, когда моя душа с телом вновь воссоединятся, то связь будет разрушена, а врата между мирами закроются, утанув демона в иную реальность, где он и будет поджидать следующего глупца, согласившегося принять его злокозненную помощь.

Он замолчал, а потом тихо, на грани слышимости, прошептал:

– Знаешь, пресветлая, я очень устал скитаться ни живым ни мертвым, и уже давно мечтаю обрести покой...

– Откуда у тебя это клинок? – с интересом разглядывая оружие, поинтересовалась Ялика.

– Из небесного огня выковал, ты же помнишь, я был кузнецом, – тихо пробормотал Мортус. – Я долго бродил по свету, пока не встретил одного очень старого волхва, который мне и рассказал, что небесный огонь – это искры, что летят из кузницы Сварога. В них заключена часть силы Праотца. А его силе ни одно зло противостоять не может, ибо он творец всего сущего. Вот тогда-то я и сделал этот клинок. Сердечник из небесного огня выковал, а снаружи серебром покрыл. Серебро любая нечисть не любит. Больно ей от него делается. А загвоздка в том, что я не знаю, как свою душу призвать.

Мортус мрачно улыбнулся. Ворожея задумалась, угрюмо теребя сарафаний подол.

Угнетающее молчание плотной пеленой окутало собеседников. Лишь иногда со стороны леса доносилось тревожное уханье филина и тоскливый волчий вой, да в костре то и дело

потрескивали поленья, выстреливая огненные искры, подхватываемые легкими дуновениями ветерка.

– Я знаю, – вдруг очнулась от задумчивого размышления Ялика. – Зову Мары ни одна душа, из когда-либо рожденных на этой земле, не сможет противостоять. И твоя на её зов обязательно явится.

В глазах Мортуса заблестела призрачная надежда.

– Может, и не зря я тебя, пресветлая, повстречал.

Он, чуть помедлив, протянул ей свой кинжал и мечтательно посмотрел на перемигивающееся искрящими звездами глубокое ночное небо.

– Об одном прошу, не подведи, – сказал он, глубоко вздохнув. – Пусть Боги направят твою руку в нужный момент.

– Ты точно готов? – серьезно спросила ворожея, собираясь с духом.

Мортус только утвердительно кивнул.

Ялика, набрав в легкие воздуха, широко развела в стороны руки и тихонько запела:

Я тебя закручу-заморожу,
Меня Марой зови белокожей.
Прихожу я с зимою искристой,
За снежинкой лечу я лучистой.

С каждым произнесенным словом ее вкрадчивое пение наливалось силой, становясь все громче и громче.

В зимнем царстве тебя приголублю,
Хладом стылым ты будешь загублен.
Я тебя обниму лютой стужей,
Спи, мой сокол, снегами закружен.

Голос ворожеи задрожал, срываясь, и откуда-то донеслось отдаленное пение, от которого повеяло замогильным холодом:

Я тебя провожу в царство хлада,
Там тебя в белоснежных палатах
За деянья твои по заслугам
Награжу или будешь поруган.

Вокруг стихли все обычные ночные звуки. Поднявшийся ледяной ветер бесшумно закачал вершины деревьев. Языки пламени, бушующего и ярящегося в костре, постепенно замедлили свой бег, застыв извилистыми огненными сталактитами.

И вот уже пению Ялики вторил другой женский голос, мертвенный и отстраненный:

Не старайся сбежать или скрыться,
Я за всеми повинна явиться.
На исходе с моим поцелуем
Позабудешь судьбу ты земную.

За спиной ворожеи, от силуэта которой исходило бледное призрачное свечение, прямо из воздуха проявились слепяще-белые извивающиеся линии, складывающиеся в высокий и

статный, мерцающий в ночной темноте женский образ, сжимающий в руках диковинный посох, изогнутое навершие которого более всего походило на короткое лезвие косы.

Ты меня не растопишь весной,
Я змеёю ползу за тобою.
На дороге, на смертной тропинке
Соберу твою жизнь по крупинке.

Завораживающее, леденящее душу пение неожиданно оборвалось на высокой ноте.

Призрачная фигура явившейся богини величественно и отчужденно смотрела на отважившихся призвать ее людей.

– Теперь проси, – с трудом выталкивая слова прокричала Ялика.

Мортус кивнул.

– Смерть-Дева! – плохо повинующимися губами прошептал Мортус. – Взываю к твоей силе, помоги... Молю...

По белеющему в сумраке лику богини промелькнула тень понимания. Она величаво кивнула и, запрокинув голову в беззвучном крике, подняла к небу свой устрашающий посох.

Налетевший порыв стылого беззвучного ветра чуть не сбил Мортуса с ног, разметав лежавшие вокруг прошлогодние листья с хвоей и сухие ветви. Пламя костра мигнуло и вновь застыло в неподвижном танце. Мужчина проследил за взглядом величественно застывшей Мары.

Небо заволакивало низкими клубящимися тучами, закручивающимися гигантской спиралью, из которой к земле устремились длинные извилистые языки тьмы.

Один из них потянулся было к застывшей Ялике. Лицо Мары исказила гримаса гнева и презрительного недовольства. Короткий взмах её посоха разрубил извивающееся щупальце мрака, заставив того осыпаться на землю дождем черного пепла. Богиня выжидательно посмотрела на с трудом удерживавшегося на ногах под порывами пронизывающего ветра Мортуса, пригвоздив того к земле мертвенным взглядом стальных глаз.

– Не медли, пресветлая, – надрывно проорал он Ялике и, воздев к небу руки, закричал: – Демон, я принимаю твою силу!

Мара удовлетворённо повела головой. Призрак легкой улыбки на секунду озарил ее неземной лик.

Черная облачная спираль ускорила свой бег. Клубы мрака устремились к застывшему в молитвенной позе Мортусу, закручиваясь вокруг него и окутывая непроницаемой сумрачной пеленой. Ноги мужчины подломились, и он, качнувшись назад, распростерся на земле, широко раскинув руки. Его тело забило в конвульсиях, впитывая в себя дымчатую вуаль.

– Иди. – Ялика скорее почувствовал, чем услышала, леденящий душу приказ богини.

Не теряя времени и крепко сжав в руке рукоять мерцающего серебром клинка, ворожея кинулась к извивающемуся на земле в болезненной агонии телу.

– Давай, пресветлая! – сквозь зубы натужно процедил Мортус, которого колотила крупная дрожь, едва Ялика склонилась над ним. – Давай! Не медли.

Ворожея широко размахнулась и с видимым усилием вонзила кинжал в грудь мужчины, преодолевая оказавшимся неожиданно сильным сопротивлением плоти. Тело Мортуса выгнулось дугой. Свист яростного ветра заложил уши. Яркая вспышка, бьющая из раны на груди мужчины, слепящим столбом белого холодного огня ударила в небо, прямо в центр бешено вращающейся спирали. Ялику отбросило назад волной невидимого ветра. Изогнутое тело Мортуса медленно оторвалось от земли, покрывшись сетью извилистых трещин, сквозь которые во все стороны сочилось слепящее призрачное пламя, вырывавшее куски плоти мужчины.

Ялика, зажмурившись и прикрыв глаза ладонью, отвернулась в попытке защититься.

Неожиданно ярящееся буйство обезумевших стихий прекратилось. Воцарилась оглушающая тишина. Ворожея медленно открыла глаза.

Мара величественно протянула руку навстречу поднимающемуся с земли Мортусу. Мужчина неуверенно сделал шаг к неподвижно застывшей богине.

– Благодарю, пресветлая, – услышала Ялика тихий шепот, когда Мортус проходил мимо неё. – Наконец-то я свободен.

Он вложил свою ладонь в протянутую руку Мары. Та неожиданно тепло улыбнулась.

Две фигуры покрылись призрачным свечением и медленно истаяли в воздухе.

Обычные звуки ночного леса ворвались в плотную пелену тишины, оглушая шелестом листвы, уханьем и перекличкой ночных животных и птиц. Застывшее пламя костра растерянно мигнуло. Языки пламени медленно, словно нехотя, возобновили свой ярящийся танец.

Ялика подобралась поближе к костру, поджав колени к груди, в попытке совладать с пробравшей ее зябкой дрожью и согреться. До рассвета оставалось ещё полночи.

Ворожея подняла голову, окинув взглядом бескрайний простор бездонного небосвода.

Одна из звезд радостно подмигнула Ялике, и та в ответ добродушно улыбнулась.

История третья. Кадук

День не задался с самого утра.

Всю ночь Ялике пришлось отмахиваться от назойливого комарья, судя по всему и давшего название небольшому селу, на которое ей уже поздно вечером посчастливилось набрести после многочасовых скитаний по лесам да болотам. Конечно, покидать дом мудрой наставницы страсть как не хотелось, но где еще, кроме странствий по свету, можно набраться столь необходимого опыта?

На ее удачу, в Комарищах оказался постоянный двор, потому не пришлось стучаться в хаты в робкой надежде найти место для ночлега. Лишь незадолго до рассвета юной ведунье удалось наконец-то задремать, когда духота прошедшего дня, казалось, только усилившаяся после захода солнца, сменилась долгожданной утренней свежестью, все-таки разогнавшей надоедливых насекомых.

В довершение ко всему, хмурая и невыспавшаяся Ялика, умываясь, случайно зацепилась подолом сарафана за лавку, на которой стояли глиняные чаша и кувшин для умывания. Утвари не повезло. Упав на пол, она, конечно же, разбилась, разлетевшись по всей комнате множеством осколков. Чертыхаясь и поминая всю нечисть, какую только могла припомнить, Ялика принялась собирать черепки, и один из них самым наиковарнейшим образом умудрился порезать ей левую ладонь. Хорошо еще, что в дорожной котомке нашлись заблаговременно припасенный отвар шиповника и тряпицы для перевязки. Вспомнив добрым словом нравоучения наставницы, старушки Яги, о том, что у любой уважающей себя ворожеи всегда должны быть наготове средства для первой помощи, Ялика, морщась и шипя, перевязала кровоточащий порез смоченной в отваре тряпицей.

Кое-как собрав разлитую воду удачно подвернувшемся под руки полотенцем, ворожея осознала, что проголодалась, о чем тут же и возвестил желудок, издав требовательное урчание. Она, несмотря на то, что была в комнате одна, украдкой оглянулась, не услышал ли кто.

Спустившись со второго этажа корчмы, где располагались гостевые комнаты, в обеденный зал, Ялика растерянно оглянулась в поисках хозяина, которого, впрочем, не оказалось в пределах видимости. И удобно устроившись за столом около раскрытого окна, позвала:

– Корчмарь!

Тот не замедлил явиться, широко позевывая и лениво почесывая необъятное пузо, свесившееся через пояс.

– Я кувшин умывальный разбила, – смущенно сказала она, рассеянно стряхивая со стола крошки.

Мужчина равнодушно пожал плечами и меланхолично заявил гулким раскатистым басом:

– Эка невидаль. Бывает. Заменим.

Попытавшись пригладить широкой ладонью взлохмаченные соломенные волосы и с трудом подавив зевок, он добавил, уставившись на гостью отсутствующим взглядом:

– Трапезничать, пресветлая, будешь?

– Да, – коротко кивнула Ялика и, нетерпеливо поерзав на лавке в неловких попытках скрыть настойчивое урчание оголодавшего желудка, смущенно спросила: – А что имеется?

– Бобовая похлебка, грибная похлебка, каша ячневая, каша перловая, капуста кислая, капуста моченая, рулька запеченная, творог, пироги ягодные... – начал занудно перечислять корчмарь, зачем-то уставившись в потолок и поочередно загибая пальцы на руках.

– Неси-ка грибную похлебку, – нетерпеливо перебила ворожея грозившее затянуться до вечера перечисление снеди, имеющейся в корчме.

– Как скажешь, пресветлая, – все так же меланхолично пробасил мужчина в ответ.

– Подскажи, мил человек, будь любезен... – задержала Ялика собравшегося было удалиться на кухню хозяина постоянного двора.

– Горыня я, – отозвался тот, и немного помявшись, смущенно проронил: – Сельчане меня Пузом прозвали.

– Горыня, – спрятав улыбку, продолжила, как ни в чем не бывало, Ялика, – а не найдется ли в селе работенка какая для человека знающего, отвары приготовить, настои да зелья лечебные?

– Эх, пресветлая... – корчмарь растерянно почесал затылок. – Травница в селе есть уже. А нечисти всякой, сколько себя помню, в округе-то и не водилось никогда. Разве что леший иногда тропы путает, так на то он и леший!

Ворожея печально вздохнула. Денег, что выдала ей Яга на первое время, считай что и не осталось совсем.

– Ступай, – грустно улыбнулась она растерявшемуся Горыне.

Тот поторопился скрыться за дверью кухни, откуда донесся его раскатистый бас:

– Радмила, ну и где тебя леший носит? Гостья есть хочет, а ты опять запропастилась незнамо куда!

Раздался тихий неразборчивый женский голос, и в обеденный зал из кухни тихо прошмыгнула невысокая худенькая девица в простом домотканом сарафане. Подойдя к столу, за которым сидела Ялика, она принялась протирать с него полотенцем многочисленные крошки и пятна, оставшиеся от прошлых трапез.

Ворожея приветливо улыбнулась. Радмила с растерянностью посмотрела на гостью и робко улыбнулась в ответ.

– Сейчас, я мигом, пресветлая, – тихим, похожим на журчание ручейка голосом проговорила она.

В этот момент через распахнутое окно послышался дробный перестук копыт, тревожное лошадиное ржание и заполошный женский визг, сменившийся неразборчивыми причитаниями.

Ялика встрепенулась и с удивлением воззрилась на Радмилу.

– Пойду, узнаю, что стряслось-то, – не без растерянности в голосе ответила та на невысказанный вопрос ворожеи и смущенно улыбнулась.

– Бабку Ведану зовите! Травницу! – донеслись со двора встревоженные крики.

С неожиданно громким стуком распахнулась дверь, и двое сельчан торопливо внесли на руках тихо стонущего мужчину. Сразу же запахло гарью и паленой плотью.

Ялика стремительно вскочила, решительно оттолкнув остоленевшую Радмилу, и кинулась на помощь.

– На стол его! – решительно скомандовала она, заметив, что за вошедшими тянется тонкий кровавый след, и уверенно засучила рукава.

Весь правый бок мужчины представлял собой обугленные, сочащиеся кровью лохмотья плоти, сплавившиеся с тканью рубахи. Раненый протяжно стонал, скрежеща от боли зубами, то и дело закатывая глаза. Ялика нежно положила ему ладонь на лоб, беззвучно зашевелив губами. Её пальцы стали полупрозрачными от идущего сквозь них призрачного сияния. Мужчина судорожно вздохнул и обмяк. Дыхание сделалось ровным, а искаженные невыносимой мукой черты лица разгладились.

– Нож. Чистые полотенца. Воды. Много воды, – отрывисто велела ворожея, бросив быстрый взгляд в сторону растерянно хлопавшей глазами Радмилы.

Та, кивнув, кинулась выполнять распоряжения.

– Это что здесь... – начал было вышедший из кухни Горыня, расталкивая столпившихся в зале селян, но, встретившись с серьезным взглядом Ялики, осекся и, быстро оценив ситуацию, зычно гаркнул: – А ну, пошли все вон!

Мужики и бабы возмущенно зароптали. Видимо, подобные происшествия не часто происходили в забытых всеми богами Комарищах, и никому не хотелось пропустить ни минуты из потревожившего сонное благополучие села происшествия, о котором еще долго будут судачить местные, встретившись в корчме или у колодца. Пузо, не особо церемонясь, отвесил пару звонких оплеух, что помогло быстро выпроводить селян взащей.

Притащившая ворох тонких льняных полотенец Радмила сгрузила их на соседний стол и стремглав убежала на кухню за ножом.

– Так это же Могута! – неожиданно воскликнул корчмарь, узнав безвольно лежащего на столе раненого. – Он у Огнеяры в имении старшой по охране. И как его угораздило-то?

– Потом все разговоры, – оборвала его Ялика, забирая у запыхавшейся Радмилы принесенный кухонный нож. – Подсоби-ка лучше. Подними его.

С помощью Горыни, приподнявшего бесчувственного Могуту, ворожее удалось аккуратно распороть рубаху вокруг кровоточащей раны, стараясь не повредить неаккуратными движениями слипшиеся с тканью обгоревшие кожу и мышцы, сквозь которые кое-где проступали ребра, казавшиеся ослепительно-белыми на фоне безобразного месива обуглившейся плоти.

Едва она закончила, как Могута резко открыл замутненные глаза, попытался привстать, но, скорчившись от боли, смог только вцепиться левой рукой в край стола.

– Пить... – едва слышно прошептал он.

Ловко отгеснив Горыню, Радмила, только что с трудом притащившая огромную кадку, зачерпнула ковшиком воду и поднесла его к губам Могуты. Тот, сделав пару жадных глотков, бессильно откинул голову назад. Его прояснившийся взгляд на мгновение задержался на ворожее.

– Дети... С-спас... Помогите... – взгляд раненого снова затуманился и он, протяжно застонав, обмяк, задышав часто и отрывисто.

– Радмила, – засуетилась Ялика, раздавая поручения. – Бегом ко мне в комнату. Принеси мою котомку. Горыня, рану промыть надо.

Корчмарь беспрекословно повиновался, принявшись аккуратно лить воду из оставленного Радмилой ковшика на обгоревший бок Могуты.

– Погоди, руки вначале мне ополосни, – прервала его ворожея, протянув сложенные лодочкой ладони.

Тоненькая серебристая струйка воды наполнила подставленную пригоршню и, повинувшись неслышному приказу, обволокла пальцы и ладони тонкой, призрачно светящейся пеленой, неторопливо истаявшей под удивленным взглядом корчмаря, словно впитавшись в побледневшую, лишившуюся всякой кровинки кожу.

Закусив губу, Ялика распростерла руки над раненым мужчиной так, чтобы ее побелевшие ладони зависли на расстоянии в полвершка от его раны и, решительно кивнув Горыне, медленно прикрыла глаза.

Струящиеся потоки воды, стекая с пальцев, приобретали бледно-голубой оттенок, а попав на обожженную плоть, тут же впитывались в нее. Кожа рядом с раной вдруг стала полупрозрачной, обнажая сеть капилляров и сосудов, по которым побежали синеватые всполохи. Ялика, побледнев, натужно засопела.

Горыня растерянно хмыкнул и с тревогой посмотрел на нее.

– Все в порядке, – коротко ответила она, словно почувствовав его взгляд сквозь плотно прикрытые веки.

Обожженное мясо на боку Могуты вдруг запульсировало, разрастаясь, и в следующее мгновение скрыло под собой обнаженные ребра. Прекратившая кровоточить плоть в один миг покрылась темной коркой, которую мягко обволакивало исходящее от рук ворожеи свечение.

Мертвенно-бледная Ялика глубоко вздохнула и не спеша убрала руки. В ту же секунду истаяло и свечение, словно впитавшись во все еще страшную, но уже начавшую рубцеваться рану.

Тяжело опустившись на стоявшую рядом лавку, Ялика измученно прикрыла ладонями глаза, под которыми залегли глубокие темные круги.

Ошеломленный Горыня с удивлением уставился на её почерневшие, словно обуглившиеся пальцы.

– С тобой все хорошо, пресветлая? – неуверенно поинтересовался он.

Ялика устало мотнула головой, как будто прогоняя морок, и коротко кивнула, резко взмахнув руками. С кончиков пальцев сорвались язычки темного пламени, лениво осевшие на пол темным пеплом.

Подоспевшая Радмила, бросив встревоженный взгляд в сторону распростертого на столе Могуты, дышавшего ровно и размеренно, протянула Ялике котомку. Суетливо покопавшись в ней, та извлекла на свет два пузырька из темного стекла.

– Это, – она протянула Радмиле первый, – дубовый отвар. Раствори в воде и смочи ей полотенца, а потом перевяжи рану Могуты. А в этом, – ворожея передала второй пузырек, – зверобойное масло. При каждой перевязке делай компресс с ним.

– Да почто это все Радмиле-то? – удивился оживившийся Горыня. – Отнесем Могуту к травнице, уж она-то точно все сделает, как требуется.

Ялика устало пожала плечами и, поднявшись, нетвердой походкой направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Хорошо, – бросила она через плечо. – Дело ваше. А мне поспать надобно... Вроде, Могута говорил, с ним дети были. Что с ними?

– Благодарю тебя, пресветлая, – донесся ей во след раскатистый бас хозяина корчмы. – Жизнь Могутину спасла... А с детьми все улажу, не беспокойся зазря. Отдыхай.

– Добро. Вот только не спасла, а помогла, – коротко ответила поднимающаяся по лестнице Ялика и, обернувшись, добавила под удивленные взгляды Горыни и Радмилы: – Теперь от него самого все зависит. Ежели жить хочет – выкарабкается. Тело излечить не велика наука, а вот душу, по своей воле на просторы Нави устремившуюся, не в моей власти вернуть...

Поднявшись к себе в комнату, она без сил рухнула на кровать, тут же забывшись тяжелым сном.

Снилась ей стена ревущего огня, окружившая ее кольцом, и то ли ограждавшая от гигантской фигуры, чьи очертания с трудом угадывались за ярящимся пламенем, то ли, наоборот, не дававшая убежать прочь. От сумрачного образа веяло древним, первородным злом и изначальной тьмой, выворачивающей наизнанку и душу, и разум.

Ялика почувствовала себя маленькой и незащищенной. Сознание затопила волна всепоглощающего страха, заставившего оцепенеть. Вокруг заплясали серебристые огоньки, закручиваясь в светящуюся искрящуюся спираль. От нестерпимого блеска заслезились глаза, заставив Ялику часто моргать в попытках прогнать наворачивающиеся слезы. А в следующее мгновение напротив нее прямо из пустоты возникла знакомая фигура в кожаном плаще до пят и широкополой шляпе, из-под которой в отсветах огня таинственно поблескивали стеклянные окуляры птичьей маски с длинным изогнутым клювом.

– Мортус, – одними губами прошептала ворожея.

Тот, ничего не говоря, неожиданно схватил её за руку и вложил что-то в раскрытую ладонь. От прикосновения призрака кожу обожгло ледяным холодом.

Ялика испуганно отпрянула назад. Мортус коротко кивнул, сверкнув окулярами, и неторопливо растаял в воздухе, так и не сказав ни слова.

Преодолев тягучее сопротивление сна, Ялика подняла руку к глазам и к своему удивлению поняла, что сжимает рукоять того самого клинка, которым совсем недавно положила

конец страданиям Мортуса, отправив того в ледяное царство Мары. По тонким граням лезвия пробежали ослепительно-белые искры. Наблюдая за их танцем, становившимся все быстрее и быстрее, ворожея вдруг осознала, что ей необходимо сделать.

Широко размахнувшись, она резко опустила покрытый белым пламенем и неожиданно удлинившийся клинок, словно вспарывая им саму ткань реальности сна.

Огненная стена замерла. Неподвижные языки пламени вдруг покрылись частой сетью трещин и с тихим мелодичным звоном осыпались кусочками битого янтарного стекла. Скрывавшаяся во тьме фигура вздрогнула, как от удара, и, испустив оглушающий рев, превратилась в черный невесомый дым, клубы которого тут же подхватил налетевший неведомо откуда порыв пронизывающего ветра.

Ялика открыла глаза и подскочила на кровати, лоя ртом ставший вдруг нестерпимо густым воздух.

Длинный багряный луч клонившегося к закату солнца, прорвавшись сквозь неплотно занавешенное окно, словно разделил сумрачную, окутанную тенью и полумраком комнату на две части. Пытаясь припомнить, были ли занавески прикрыты в тот момент, когда она совершенно измотанная вернулась в комнату, Ялика неторопливо оглядела помещение. Ее блуждающий взгляд неожиданно наткнулся на совершенно целый умывальный кувшин, все так же стоящий на низкой лавчонке в дальнем углу.

«Должно быть, Радмила кувшин меняла, вот и прикрыла занавески», – успокоившись, решила Ялика.

Только в это мгновение она неожиданно осознала, что продолжает что-то сжимать в руке. Этот был тот самый клинок. Клинок, вложенный в ее ладонь призраком Мортуса.

«Неожиданный подарок», – чуть заметно улыбнулась ворожея.

Приступ безумного голода, грозившего свести с ума, заставил её, наскоро умывшись, спуститься в обеденный зал.

Корчма оказалась заполнена местными жителями, видимо, обсуждавшими за кружкой холодного пива или медовухи утреннее происшествие. Едва ворожея сделала последний шаг с лестницы, как тут же десяток пар любопытных глаз с интересом уставился на нее. Появившаяся словно из ниоткуда Радмила аккуратно взяла ворожею за руку и, настойчиво потянув куда-то, тихо бросила:

– Пойдем, пресветлая, для тебя Горыня место отдельно приготовил. Там спокойнее будет.

Небольшой стол, за который девушка усадила Ялику, оказался в дальнем углу корчмы, несколько в стороне от всех остальных, так что возобновившийся гул болтовни местных завсегдатаев долетал сюда сильно приглушенным.

– Проголодалась? – то ли спрашивая, то ли утверждая, заявила Радмила, рассеяно протерев стол.

Ялика добродушно улыбнулась.

– Целого порося съест готова!

Радмила с удивлением округлила глаза, смущенно уставившись на продолжающую улыбаться ворожею.

– Да нет, что ты! – ответила та на невысказанный вопрос. – Запеченной рульки с грибами достаточно будет.

Быстро расправившись со снедью, Ялика, вспомнив о неожиданном подарке Мортуса, спросила убирающую со стола Радмилу:

– А кузнец у вас в селе имеется?

– А то как же! – не без гордости заявила та. – Богданом звать. Дом его в конце улицы, если от корчмы направо идти. Чуть на отшибе стоит. Там увидишь, пресветлая. Как же нынче без кузнеца-то? Он и плуг починит, и инструмент какой в порядок приведет, сбрую для лошадей смастерит, коли нужда будет.

Отстранено улыгнувшись, Ялика задумалась, перебирая в мыслях подробности приснившегося ей кошмара и продолжая вполуха слушать жизнерадостное щебетание девушки, самозабвенно нахваливающей работу сельского кузнеца.

– Ой, – осеклась вдруг Радмила, всплеснув руками. – И как я запомнить-то могла? – затараторила она, смущенно теребя подол сарафана. – Ведана-травница тебя, пресветлая, ее проведать просила.

– С Могутой что? – уточнила Ялика, с усилием прогоняя нахлынувшее чувство отчаяния и страха, сопровождавшее давешний сон.

– Не ведаю, – мотнула головой Радмила. – Заходила, когда ты, пресветлая, спала беспробудно. Узнала, что ты отдыхаешь, беспокоить не стала. Просила только тебе передать, чтобы ты ее провела сразу, как сможешь. Я провожу. А то стемнело совсем, заблудишься еще, неровен час, пресветлая.

Ялика, согласно кивнув, поднялась из-за стола и уверенно направилась к выходу.

– Я мигом, только Горыне скажу, что отлучусь, – бросила Радмила ей вдогонку.

– Добро, я снаружи обожду, – отозвалась ворожея, открывая дверь на улицу.

После жара согретой постоянной готовкой и дыханием посетителей корчмы ночная прохлада показалась ей обжигающе холодной. Зябко поежившись и вздохнув полной грудью, Ялика запрокинула голову, уставившись на безоблачное, удивительно глубокое небо, яркая темнота которого разгонялась колючим и холодным светом частых звезд, рассыпанных по небосводу искрящимся ковром и ласковым призрачным сиянием народившегося полумесяца. Злой порыв стылого ветра, налетевший со стороны сумрачной громады леса, чьи вершины угрожающе возвышались над крышами потонувших в ночной мгле окрестных домов, донес до ушей ворожеи едва слышный голодный вой то ли волка, то ли еще какого обитателя чащобы.

Ялика вздрогнула, заметив, что от тени соседнего дома судорожным, рваным, движением отделилась призрачная фигура, напоминающая своими очертаниями изломанного покореженного человека. Высоко в небо взлетел злобный вороний грай, и от этого леденящего звука, казалось, враз померкли звезды, застыв неподвижными потусторонними огнями.

– Отступись! – расслышала она вдруг недоброе ядовитое шипение.

Темный силуэт сделал ломаный конвульсивный шаг навстречу окаменевшей Ялике. Её сердце судорожно забилось, словно стараясь выскочить из груди, убежать, скрыться от надвигающейся фигуры, распространяющей вокруг волны страха и неприкрытой угрозы.

– Ты не изменишь того, что предначертано. – Безучастный свистящий шепот, ворвавшись в оцепеневшее сознание Ялики, достиг сердца, заставив его замереть в предчувствии неминуемой гибели.

За спиной пронзительно скрипнула дверь, и узкая полоска света, вырвавшись из корчмы, словно остро заточенный нож, вспорола сгустившийся плотный сумрак, настойчиво отвоевывая пространство у зловещей мглы и оживляющим теплым потоком, смывая плотную завесу чувства обреченности и смерти.

Ялика испуганно обернулась. На пороге застыла Радмила, с тревогой вглядываясь в посеревшее лицо ворожеи.

– Что с тобой, пресветлая? – обеспокоено спросила девушка.

– Все... Все хорошо, – бросив быстрый взгляд туда, где еще секунду назад возвышалась угрожающая сумрачная тень, ответила ворожея, с трудом разлепив пересохшие губы. – Наверное, от воздуха голова кругом пошла, в корчме натоплено сильно.

Видимо, удовлетворившись ответом, Радмила протиснулась мимо Ялики и жизнерадостно произнесла:

– Чудесная ночь.

Ворожея смогла только утвердительно кивнуть и неторопливо побрела следом, поминутно оглядываясь назад, на то место, где ей привиделся кошмарный фантом. Скрывшаяся в

тени сумрачная фигура проводила удаляющихся девушек внимательным взглядом и, едва они растворились в ночной мгле, тут же расплылась пятном тьмы, из которой выпорхнул огромный черный ворон, стремительно взмывший в ночное небо.

Проводив ворожею до старого, слегка покосившегося и будто наполовину вросшего в землю дома сельской травницы, Радмила, простившись, поторопилась вернуться обратно, на постоянный двор, оставив Ялику в одиночестве, на которую тут же накатила волна неконтролируемого страха перед тем неведомым, что встретило ее за порогом корчмы.

Немалых усилий стоило ей прогнать начинающуюся панику, медленно сковывающую и тело, и душу в своих ледяных объятиях.

Ялика робко постучала. В следующую секунду распахнувшаяся дверь обдала её мягким обволакивающим потоком тепла, пахнущим пряными травами, выпечкой и еще чем-то неуловимо знакомым. Именно таким запомнился ей запах, царивший в избушке Яги Егоровны, затерянной среди вековой чащобы.

За порогом в тусклом, пляшущем по стенам свете застыла маленькая сухонькая старушка с милым улыбчивым лицом, на котором, словно два игривых огонька, сверкали поблекшие, но все еще полные силы и непреклонной воли внимательные серые глаза.

– Входи, пресветлая, – пригласила травница, бросив настороженный взгляд куда-то за спину почему-то смутившейся ворожеи.

– Что там? – нервно спросила Ялика, оборачиваясь.

– Ничего, дочка, ничего, – ответила бабка Ведана, успокаивающе улыбнувшись. – Ничего не вижу, да вот токмо чую, что зло какое-то за тобой по пятам ходит, неровен час, схарчит да не подавится.

– Какое зло? – непонимающе переспросила Ялика, входя в сени, скупо освещенные горячей в светце лучиной.

Травница, подслеповато шурясь, опасливо посмотрела в ночную тьму и захлопнула дверь.

– Не ведаю, дочка, – вновь ласково улыбнувшись, отозвалась она. – Токмо чую. Я, может, и не так сильна в волшебстве да ведовстве, как ты, да вот куда как опытнее. Годы научили смотреть так, как другие не умеют. Не в свое ты дело влезла, пресветлая, будет время, ответ нести придется.

Протянув сморщенную ладонь, старушка зачем-то робко коснулась плеча растерянной Ялики и тут же, нахмурившись, опасливо, как от огня, отдернула руку.

– Ты не слушай меня, старую, мало ли что мне на склоне лет привидится, – ласково обронила она. – Пойдем, я пироги напекла, молочком свежим угощу. Опосля и потолкуем.

Несмотря на робкие отнекивания, старушка провела ворожею из сумрачных сеней в ярко освещенную горницу, где за столом уже сидела пара светловолосых детишек лет одиннадцати-двенадцати от роду. Мальчик и девочка до того походили друг на друга, что Ялика тут же догадалась – близнецы. Беззаботно болтая ногами под столом и тихо переговариваясь о чем-то своем, ребяташки уплетали свежеиспеченные пироги, запивая их молоком из больших глиняных кружек, и, казалось, даже не замечая гостью.

– Это Огняры дети, – пояснила травница. – Те самые, которых Могута спас. Святозар и Лада. Ты садись, пресветлая, не менжуйся.

Услышав свои имена, дети разом пристально, не по возрасту настороженно посмотрели на аккуратно присаживающуюся за стол Ялику, пред которой тут же появилась заботливо поставленная старушкой кружка, до краев заполненная молоком.

– Бабушка Ведана говорила, что ты придешь, – серьезно заключил Святозар уже начавшим ломаться, но все еще остающимся по-детски высоким голосом, внимательно разглядывая ворожею.

– Ты знаешь, что с мамой? – печально спросила Лада. Сорвавшиеся с ее губ слова походили на нежный перезвон весенней капли. – Черный зверь маму забрал?

– Допили молочко-то? – строго прервала близнецов Ведана, ласково погладив по голове девочку. – Будет вам гостью расспросами пытаться, да силу нечистую к ночи поминать. Лучше идите-ка, ребятишки, спать. Будет день светлый, будут и вопросы с ответами.

– Ну, бабушка, рано же еще... – в два голоса заканючили дети.

– Что вам велено было? – строго отозвалась Ведана. – Ступайте, я вам в горнице уже давно постелила.

Когда разочарованно бормочущие себе под нос ребятишки ушли, нахмурившаяся старушка тяжело опустилась на лавку напротив задумавшейся Ялики.

– Ох, соколики несчастные, – сокрушенно вздохнула Ведана. – Сиротками сделались. И что с ними теперь будет?

Мрачная ворожея оторвала взгляд от стоящей перед ней кружки и посмотрела на старую травницу.

– У меня дом хоть и большой, все поместятся, – горестно пояснила между тем Ведана, заметив сочувственный взгляд Ялики. – Да вот только совсем старая я сделалась, с двумя дитятками-то, поди, и не управлюсь... Ну, да ничего, сладим как-нибудь...

– Ведана, я же знать-то не знаю, что произошло, – оборвала старушку ворожея.

– И то правда, совсем я, старая, запаматовала, – согласилась та, досадливо всплеснув руками. – За тем тебя и позвала. Могута с тобой потолковать хотел, да умаялся с хворобой своей биться, спит, небось. Я-то думала, ты раньше проведать придешь...

Ялика требовательно молчала. Ведана настороженно покосилась на дверь горницы, в которой спали дети, и горестно вздохнув, принялась рассказывать, понизив голос почти до шепота.

– Пожар, пресветлая, случился у Огнеяры в имении. Да такой, что сельчане, туда ходившие, говорили, все дотла выгорело. Могута вот только и сумел, что детей вынести из огня, да сам еле ноги унес, а остальные все вместе с хозяйкой-то и погорели. Ох, не зря люди, видать, говорили, что Огнеяра колдовством черным промышляет. А я, старая, не верила. Я ж ее, Огнеяру-то, еще совсем малюткой помню, матери ее разродиться помогала. Ни тогда, ни сейчас не видела я на душе ее мрака да тьмы. А вот оно как оказалось. Быть такого не может, чтобы целое имение от искры одной так полыхало, что все в пепел выгорело.

– И не такое бывает, – осторожно заметила Ялика и спросила: – Дети о черном звере что-то говорили?

– Вот он-то и есть колдовство черное, – кивнула старушка. – Могута тоже, когда ко мне его принесли, о черном звере бредил. Я, как он в себя пришел, тихонько его и расспросила. Говорит, что в хоромы хозяйские, мужиков да девок дворовых раскидав, зверь огромный, что твой медведь, прошмыгнул, да такой черный, будто смоль. Опосля и полыхнуло, да до самых небес. Он внутрь кинулся – а там уже все в дыму да пламени, с трудом детей нашел, бока свои обжигая. Подхватил ребятишек, значит, да на улицу, а следом за ним крыша-то хором и сложилась. Глянул, а вокруг все постройки, все сараи да избы, уже до самого неба полыхают. Могута коня, что из конюшни горящей в страхе выскочил, за уздцы поймал, детей следом за собой посадил, да и в село наше поскакал, кровью от ожогов истекая.

– Так и было, – услышала за своей спиной Ялика тихий, но уверенный, бархатистый мужской голос.

Чуть ли не сметая со стола посуду, ворожея резко обернулась на звук и увидела Могуту, который, отрывисто дыша, прислонился к стене рядом с дверью, видимо, ведущей в дальнюю горницу. Он морщился от боли, прижимая здоровой левой рукой раненый бок, замотанный в белоснежную льняную ткань, на которой проступило большое ярко-красное пятно крови.

– Ох, соколик, встал-то зачем? – запричитала Ведана, вскакивая из-за стола, и поторопилась на помощь к раненому. И усадив его за стол, заботливо спросила: – Иван-чая хочешь, заварю?

Могута только покачал головой, даже не посмотрев в сторону суетящейся Веданы и, в очередной раз поморщившись, отрывисто произнес, вперив тяжелый взгляд в смутившуюся от такого пристального внимания ворожею:

– Права Ведана. Колдовство это было. Да только не Огнейрой наведенное. Нечего люд слушать, языки у них длинные, а голова им для того дана, чтобы было, куда ложку поднести. Толки о колдовстве хозяйки после того пошли, как муж ее, Тихомир, на охоте сгинул позапрошлой зимой. Вот и стали кумушки деревенские языками чесать, мол, Огнейра мужа со свету колдовством черным сжила. Куда им знать-то, что я тело его изодранное в лесах нашел. Волки задрали. Зима суровая выдалась, вот зверье и осмелело.

Ялика отрешенно кивнула, прислушиваясь к тому, как ярится неожиданно поднявшийся на улице ветер. Разбушевавшаяся стихия словно пыталась проникнуть в ярко освещенную светлицу и, затушив гневным дыханием все лучины, отвоевать у света право безраздельно властвовать в возведенном самонадеянными людьми убежище, затопив его своим яростным воем и отдав обитателей на потеху ночной тьме. Ворожея зябко повела плечами, прогоняя морок.

– Если ты уверен, что колдовство не Огнейра призывала, – немного рассеяно произнесла она, обеспокоено поглядывая в окно, – то кто, по-твоему, мог бы это сделать?

– А вот это мне не ведомо, пресветлая, – сокрушенно заметил Могута, пытаясь проследить за ее взглядом.

– Ялика, – чуть помедлив, отозвалась ведунья. – Меня Яликой при рождении нарекли.

– Хорошо, Ялика, – тут же подтвердил мужчина, чуть заметно скривившись от боли в обожженном боку, и мучительно, словно через силу вздохнув, продолжил: – Мы с Тихомиром друзьями были. Вместе в дружине княжьей служили, вместе кровь проливали, а когда он в родовое имение вернулся, меня с собой позвал, предложив в охранение к нему пойти, старшим над караулом сделав. Мне и возвращаться-то особо некуда было, родных давно схоронил, в родном селе и не ждет никто. Согласился я.

Могута на секунду замолчал, переводя дыхание. В этот момент его глаза затуманились поволокой боли, и он судорожно выпустил воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ведана, тихонько охая и что-то неслышно бормоча, поставила перед ним кружку, наполненную исходящим горячим паром иван-чаем. Бросив неловкий взгляд в сторону внимательно слушавшей ворожеи и скорбно покачав головой, старушка ласково погладила сухой ладонью наморщившегося мужчину по голове, а затем аккуратно присела на краешек лавки, словно настороженная, охраняющая свой выводок птица, готовая в любую секунду вспорхнуть и прийти на помощь.

Справившись с приступом боли, Могута, удивленный неожиданной лаской, изумленно приподнял бровь и неторопливо продолжил:

– Незадолго до своей гибели Тихомир, будто смертушку чуя, попросил у меня клятву кровную, что, ежели его на этом свете не станет, то я в ответе за жену его да детей малых сделаю. Огнейру уберечь – не уберег, так хоть детишек спас. А теперь знать хочу, кто колдовство навел, да жизнь невинную сгубил. А будет воля Богов, так и отомстить, чтобы после смерти своей, в Нави с Тихомиром да Огнейрой встретившись, ответ перед ними нести. Что скажешь, Ялика, по силам тебе? Отплачу серебром да золотом, скопил кое-чего за годы службы верной.

– Так сгорело же все, – невпопад заметила ворожея, неотрывно наблюдая за окном, где, как ей казалось, начала сгущаться сумрачная угроза, заставляющая тоскливо сжиматься сердце в предчувствии скорой беды.

– Где монеты добыть, то моя дума, – натужно усмехнувшись, ответил Могута.

Едва стихли его слова, как Ялика заметила, что оконное стекло покрылось сетью расползающихся трещин, сквозь которые внутрь дома просачивались тоненькие ручейки черного змеящегося дыма, словно сотканного из ночной тьмы. Сквозь усилившиеся завывания ветра обомлевшая ворожея расслышала то ли тоскливый вой, то ли печальные женские стенания. В ту

же секунду стекло лопнуло, разлетевшись по светлице полчищем сверкающих капель. Ворвавшийся внутрь ветер яростным порывом затушил мигнувшие на прощание лучины, погрузив дом в почти непроглядный мрак.

Странное оцепенение сковало тело и разум ворожеи. Она словно со стороны наблюдала за тремя застывшими неподвижными куклами-фигурами, оцепенело смотрящими на разбитое окно, не в силах даже пошевелить рукой. Затем вдруг ощутила, что кожу обожгло ледяным замогильным холодом, и отстраненно заметила, как с губ Могуты, в бессильной ярости вращающего глазами, сорвалось облачко заискрившегося в ледяной темноте дыхания. Вновь, на этот раз уже ближе, сквозь неистово завывающий ветер послышались тоскливые стенания, переходящие в едва слышимое бормотание. Спустя мгновение все стихло, и воцарилась гнетущая, терзающая разум тишина.

Ялика чувствовала, как, отдаваясь болезненным стуком в ушах, заходится ее сердце, в обезумевшем танце пытаюсь прогнать сгустившуюся кровь по заледеневшим венам и сосудам. Видела, как безвольными кулями завалились на пол Ведана и Могута. Видела, как в затопленную половодьем мрака светлицу сквозь разбитое окно проскользнула размытая тень, сотканная из переплетающихся друг с другом языков тьмы. Видела, как тень, задержавшись, приняла очертания высокой худой женщины, чей дымчатый силуэт, укутанный в полуистлевший саван, засветился бледно-зеленым гнилушным светом, чуть разогнавшим сгустившийся мрак. В этом свечении, мягко обволакивающим окружающие предметы, Ялика заметила плавно развевающиеся, будто покачивающиеся на волнах, волосы прищельницы и смогла разглядеть ее худое изможденное лицо, с глубоко ввалившимися глазами и напоминающими пергамент мертвенной кожей, сквозь которую просвечивали кости черепа.

Женщина неспешно повернула голову в сторону беспомощной ворожеи, изо всех сил противившейся волнам онемения, и, приложив костлявый палец с длинным черным ногтем к бледным тонким губам, едва заметно улыбнулась, чуть обнажив игольчатые белые зубы.

– Багровая Луна обагрила кровью один плод, живородящее Солнце напитало соками второй... – услышала Ялика шепот, напомнивший ей шуршание туго переплетенного клубка змей. – Грядет жатва... Мои...

С этими словами призрачная фигура, качнувшись словно от порыва ветра, величественно проплыла мимо неподвижной Ялики. Дверь, ведущая в комнату детей, распахнулась и, пропустив фантома внутрь, тяжело, с протяжным тоскливым скрипом захлопнулась.

Разгорающееся где-то в области груди обжигающее свечение вырвало Ялику из опутавшего ее омертвения, вернув способность повелевать телом. Схватившись рукой за нестерпимо горячий и обжигающий ладонь оберег с руной Велеса, она со всех ног кинулась к захлопнувшейся двери, распахнув которую застыла в изумлении, не в силах сделать и шага.

Безвольно раскинув по сторонам руки, обездвиженные дети медленно парили в воздухе вокруг призрачной женщины, подобно светящейся статуе возвышающейся в центре горницы. С ее лица так и не сошла зловещая улыбка.

– Время жатвы... Мои... Наш-ш-ши... – шипел призрак, протягивая костлявые руки то к одному, то к другому ребенку, и осторожно, почти с материнской лаской и заботой, касался их лбов кончиками черных когтей, от чего из голов детей начинали виться тоненькие светящиеся голубоватым светом нити.

Мерцающие в темноте линии сплетались в пульсирующий клубок. Исходившее от него сияние в такт биению детских сердец то почти затухало, то вновь разгоралось с новой силой, заливая горницу мертвенным светом.

«Лойма. – Ялика наконец-то узнала фантома. – Неужели близнецы – ее неклюды? Нет, и я, и Ведана давно бы догадались!»

Ворожея судорожно потянулась рукой к котомке. Но, не обнаружив ее на обычном месте, вспомнила, что оставила сумку на постоялом дворе.

«Ох, и разиня!» – сокрушенно выдохнула ворожея.

Память тут же услужливо подкинула образ недовольной Яги, которая не раз ругала молодую ученицу за брошенную где попало котомку.

«Может и так статься, – не единожды наставительно повторяла Яга, в очередной раз обнаружив сумку в самом неподходящем месте, – что от того, что в котомке твоей схоронено, будет жизнь твоя зависеть».

Мерцающая в темноте лойма не обращала никакого внимания на ошарашенно застывшую на пороге ворожею, лихорадочно пытавшуюся вспомнить какое-нибудь средство, способное прогнать духа туда, откуда он пришел.

– Ж-жатва... – продолжал шипеть призрак.

Клубок светящихся нитей, висящий в воздухе перед лоймой, прекратив пульсировать, стал разгораться все ярче и ярче. В этом сиянии, залившем всю горницу, ворожея увидела, как ввалились глазницы на лицах детей, а их посеревшая кожа стала напоминать полуистлевший пергамент.

«Она же их убивает! – пронеслась суматошная мысль в голове Ялики. – Силы их пьют!»

– Хватит! – что есть мочи прокричала она.

«Кровь – с нее все начинается, ей все и заканчивается, – прошелестели в голове наставления старушки Яги. – Великая сила в ней заключена!»

Лойма на мгновение замерла. Неспешно обернувшись на крик, уставилась на ворожею. В белесых глазах медленно разгорелись огоньки, пламенеющие потусторонним светом. Призрак с угрозой оскалился, обнажив ряды маленьких острых зубов, и поплыл навстречу Ялике.

Не теряя ни секунды, та впилась зубами себе в правое запястье, разрывая кожу и сосуды. Теплая солоноватая жидкость потекла по губам. Затем, поморщившись, торопливо нараспев прокричала, вцепившись левой рукой в висевшую на шее руну Велеса:

– Здесь ты и руна твоя! Здесь я и кровь моя! В ней сила твоя, в ней сила моя!

С каждым словом, срывающимся с губ, по венам ворожеи прокатывалась волна жара, сокрушающим потоком устремляясь к окровавленному запястью.

– Прими же кровь в дар! – срывающимся голосом выкрикнула она. – Оставь в ней силу, как дар!

С последним словом ворожея резко взмахнула прокушенной рукой. И с кончиков её пальцев в сторону неспешно надвигающейся лоймы брызнули рубиновые капли, на лету наливаясь и разгораясь ярким багровым пламенем. Едва коснувшись духа, они, ослепительно сияя, растеклись по эфемерному телу рваными алыми кляксами. Призрак оглушительно завыл, вскинув вверх голову, беспорядочно замахал руками в попытке стряхнуть с себя прожигающие плоть капли и в следующий миг распался на языки мрака, промелькнувшие невесомыми клубами мимо застывшей Ялики и вылетевшие на улицу сквозь разбитое окно. В ту же секунду парившие в воздухе близнецы с глухим звуком рухнули на пол.

Ворожея, облегченно выдохнув, кинулась к распростершимся на полу детям.

– Что с ними? – услышала она встревоженный голос Могуты, замершего на пороге.

– Живы, хвала Богам, – глухо отозвалась она и, прикрыв лицо руками, расплакалась, давая волю бурлящим в груди переживаниям.

– Ну, будет, – тихонько произнесла подошедшая Ведана, ласково погладив её по голове, и спросила: – Лойма была?

Ялика лишь кивнула, захлебываясь от душивших ее рыданий.

– Тяжело тебе, пресветлая, пришлось, – то ли спросила, то ли заключила Ведана, заметив рваную рану на запястье. – Кровиночку в ход пустить пришлось.

– Сама виновата, – буркнула Ялика, утирая рукавом катящиеся слезы. – Она вернется. Отсидится в лесах до полуночи, сил наберется и вернется.

– Вижу, – прошептала Ведана, разглядывая детей подслеповатым прищуром. – Связала себя, нечистая, с ними узами черными.

Уложив так и не проснувшихся детей в кровати, они вышли из горницы, прикрыв за собой дверь.

Тяжело дышащий от боли в боку Могута тут же опустился на лавку за столом и тяжелым мрачным взглядом сопровождал засуетившуюся Ведану.

Травница, завесив разбитое окно старым потрепанным одеялом, разожгла лучины и помогла Ялике перевязать запястье, рваная рана на котором покрылась черной обуглившейся коркой.

– Что делать-то, пресветлая, будем? – нарушил молчание Могута, когда все расселись за столом.

– Ты и Ведана – ничего, – на секунду задумавшись, тяжело заключила Ялика. – Ты говорил, что колдовство кто-то навел.

Могута мрачно кивнул.

– Лойма не просто детей поглотить хотела, – продолжила она, задумчиво разглядывая перебинтованную руку. – Она пыталась связать их души с собой. Колдовство нужно разрушить. Иначе лойма вернется. Не завтра ночью, так через день, через два, может, через неделю, но вернется, чтобы завершить начатое. И тогда ни я, ни Ведана, ни тем более ты, Могута, не сможем защитить детей.

Ворожея замолчала, бросив настороженный взгляд на прикрытое одеялом окно, и, словно соглашаясь со своими мыслями, решительно кивнув, добавила:

– Поутру отправлюсь в имение Огнеяры. Может, след какой найти удастся.

Могута насупившись, посмотрел на Ялику и, не говоря ни слова, тяжело поднялся из-за стола и отправился в свою горницу. Едва за ним прикрылась дверь, Ведана чуть слышно произнесла, бросив встревоженный взгляд на ворожею:

– Ты видела, пресветлая? Детей-то уже, считай, и нет на этом свете, души их почти в серые пределы следом за нечистой ушли. Что их в Яви еще держит, поди, одним Богам и ведомо.

– Видела, Ведана, видела, – горестно вздохнув, отозвалась Ялика. – Потому-то колдовство и надобно разрушить. Как дом от нечисти оградить, знаешь?

Старая травница молча кивнула.

– Вот, утром, как уйду, и сделай так, как надобно, – посоветовала Ялика.

Как только забрезжил рассвет, и деревенские петухи поприветствовали восходящее солнце, ознаменовав начало нового дня, так и не сомкнувшая глаз Ялика покинула дом старой травницы. Эх, если бы она не забыла вчера свою сумку, то, может, и не пришлось бы прибегать к магии крови, призывая на помощь Велеса. Не зря ведь наставница без устали повторяла ей, что кровь – это последнее средство, когда другого выхода уже нет, и без крайней нужды прибегать к нему не следует. В следующий раз Боги могут и не откликнуться. Поэтому она первым делом зашла на постоялый двор за оставленной там котомкой.

Встретив Радмилу, встревоженную её долгим отсутствием, Ялика как следует расспросила девушку о пути до имения Огнеяры, и, узнав все требуемое, поспешила к кузнецу, справиться ножны для неожиданного подарка Мортуса. Не дело – оставлять оружие без надлежащей защиты. Еще сломается в самый неподходящий момент, а то и вовсе предательски вопьется в бок или бедро, ежели просто так повесить его на пояс.

– Ладная работа – мастера достойная, – заключил кузнец, пристально рассматривая серебряный кинжал и, подозрительно сощурившись, спросил: – Откуда он у тебя, пресветлая?

– Так ты, Богдан, ножны-то смастеришь? – раздраженно спросила Ялика, которой его взгляд и тон не пришлись по душе.

– Не серчай, пресветлая, – примирительно произнес кузнец, возвращая кинжал. – Нет нужды мастерить...

Коренастый Богдан с густой, рыжей бородой, в подпалинах от царившего в кузнице жара, стал суетливо копаться на верстаке, захлапавшем различными инструментами и поделками. Разворошив мускулистыми руками груды, по всей видимости, забракованных заготовок, он извлек из-под них искусно сделанные ножны, украшенные витиеватым узором рун и символов, переплетающихся друг с другом.

– Вот, помню же, что где-то здесь были, – вытерев пот со лба, пробасил кузнец и протянул ножны Ялике. – Пару месяцев назад, по весне, кажись, заходил к нам в село странный путник. Имя еще у него какое-то диковинное было, запомню. Так просил он меня ножны сделать, точь-в-точь к такому же клинку, который ты мне показала, поэтому и спросил, где его взяла...

– Мортус? – осторожно уточнила Ялика, разглядывая плавные изгибы узоров на поверхности ножен.

– Точно! Мортусом его звали! – старательно закивал Богдан, приветливо улыбнувшись. – Сам он набросок и сделал. Я тогда еще подивился чудному рисунку. Но заказ-то исполнил, да только заказчик пропал, ни следа, ни духу.

Аккуратно вложив кинжал в ножны, ворожея поразилась тому, как ладно они подходят друг к другу, и спросила:

– Сколько за работу возьмешь?

– Вперед плачено, – кузнец покачал головой. – Чую, не вернется заказчик за работой, посеум забирай.

– Не вернется, – чуть слышно заметила Ялика с грустью. – В царство Мары отправился.

Поблагодарив кузнеца и прикрепив ножны к поясу, она, следуя наставлениям Радмилы, отправилась к сгоревшему имению.

Еще издали Ялика почувствовала удушающий запах гари. Казалось, этот смрад пропитал все вокруг: и дорожную пыль, и зеленеющую на полях траву, и раскачивающиеся от дуновений легкого ветерка вершины деревьев, громадными исполинами возвышающимися чуть вдалеке. Даже пронесившиеся по небесной синеве невесомыми призраками пушистые облака пахли недавно приключившейся бедой.

Когда показались первые обугленные остовы изб и хозяйственных построек, запах стал совсем невыносимым. К нему добавилось зловоние паленой плоти и шерсти. Видимо, вместе с постройками погорели и все их обитатели, включая животных. Над воцарившимися вокруг смертью и разрушением не властно было даже летнее солнце, лучи которого, казалось, обходили проклятое место стороной.

Зябко ежась, Ялика бродила среди остывшего пепелища, поднимая настороженными шагами облачка пепла и сажу, тревожно глядя в останки некогда богатого имения в попытках обнаружить хоть что-нибудь, позволившее разглядеть причину случившегося несчастья. Как вдруг уголком глаза заприметила быстро промелькнувшую тень, тут же скрывшуюся за неведомо как уцелевшим и покрытым языками копоти колодцем.

– Выходи, – устало позвала она. – Я тебя видела.

Из-за колодца, словно нехотя, вылез черный взлохмаченный кот, мельком посмотрел на нее глазами желтых глаз с вертикальными зрачками и, жалобно мяукнув, принялся вылизывать грязный растрепанный хвост.

– Прекрати прикидываться, – строго заметила ворожея.

Кот, уставившись на нее, прищурился и совсем по-человечьи резким писклявым голосом изрек, растекаясь клубами черного дыма:

– И не скрываться-то ведь. И чего тебя сюда понесло?

В следующую секунду перед Яликой предстал маленький косматый бесенок, раздосадовано перебирающий крохотными копытцами. На голове, покрытой черной шерстью, красовались два небольших обломанных примерно посередине рожка.

– Ну, чего зенки вылупила? – огрызнулся бесенок, яростно помахивая коротким хвостиком. – Мешу, что ли, никогда не видела?

– Не видела, – честно призналась Ялика, с любопытством разглядывая бесенка.

– Ну, любуйся, – оскалился меша и демонстративно повернулся кругом. – А теперича давай проваливай.

– А ты-то чего здесь забыл? – словно не услышав, спросила Ялика.

– Чего-чего? – искренне удивился нечистый. – Ищу чем поживиться. Люблю, знаешь, человечинку, копченую да прожаренную как следует.

Бесенок плотоядно облизнулся и сердито топнул копытцем, подняв облачко пепла, тут же подхваченное дуновением ветра. Заметив посуровевший взгляд ворожеи, он тут же осекся и чуть смущенно добавил:

– Жил я тут.

– Знаешь, что произошло? – поинтересовалась Ялика.

– А то как же! – не без гордости заявил меша. – Кадуковы дела!

– Кадук, значит, – задумчиво повторила ворожея и ласково спросила: – Расскажешь?

– Еще чего! – искренне возмутился бесенок, смешно мотнув рогатой головой. – Чтоб меня опосля Кадук в болотах утопил?

Ялика нахмурилась и, потеревив прядь пшеничных волос, задумчиво протянула:

– Сперва я тебя... – она осеклась, сиюсь придумать кару пострашнее, – ... со свету сживу.

Сам рад будешь Кадуку в лапы попасть.

– А силенок-то хватит? – с вызовом поинтересовался бесенок, предусмотрительно отступив на шаг назад.

– Уж хватит, будь уверен, – с притворной лаской в голосе произнесла Ялика, угрожающе нависая над съезжившимся упрямцем.

– Вот почто грозишься-то? – спешно затараторил тот. – Без угроз-то никак? Все расскажу.

Бесенок, что-то сердито бормоча себе под нос, вскарабкался на край колодца, за которым совсем недавно пытался спрятаться, и по-хозяйски устроившись на нем, с самым невозмутимым видом продолжил:

– Баба глупая здесь жила. Да и мужик-то ее – не семи пядей во лбу. Нечего противиться кадуковой силе, особливо ежели сам по добру и воле договор с ним заключил.

– Договор? – удивленно переспросила Ялика.

– А то как же! – важно кивнул меша. – Они никак ребеночка зачать не могли. Ну, не получалось у них никак. А тут мужик ейный Кадука в болотах встретил. Он как раз старцем прикинулся. Так мужик все ему и выложил. А Кадук-то умный! – Бесенок глупо хихикнул и, давась смешками, продолжил: – Кадук, значит, ему и говорит, что средство есть. И раз, уже ему пузырек с водой болотной да семенем своим нечистым под нос сует, мол, вот он, эликсир волшебный. Выпьешь – поможет, стало быть. Только, говорит, расплатишься плодами древа своего.

Меша набрал побольше воздуха и, скривив кошмарную рожицу, продекламировал тоскливым замогильным голосом:

– Когда багровая Луна обагрит кровью один твой плод, а живородящее Солнце напитает соками второй, тогда плодами древа своего со мной и расплатишься.

Ялика, вздрогнув, обмерла. Те же зловещие слова она уже слышала сегодня ночью от ворвавшейся в дом старой травницы лоймы.

Бесенок опять захихикал.

– А мужик-то глупый, взял да на радостях и согласился, думал, о яблоне какой речь идет, – давась смехом и нелепо подпрыгивая на кресле, вымолвил он. – Баба его об этом узнала, уже когда на сносях была. Ох, и серчала. Да делать нечего, уговор есть уговор. Только деток своих отдавать, ох, как ей не хотелось. Стала она ведовским премудростям учиться. Да только

куда ей! Разве ж против Кадука кто из смертных встать сможет! Пришло время, Кадук за обещанным лойму – из тех, что позлее да посильнее – и послал. В общем, баба чего-то там напутала в своих чарах неумелых. Вот все вокруг и спалила. Да сама сгинула. На счастье, деток ее из огня какой-то мужик дворовой вытащил.

– Лойму, значит, послал, – эхом отозвалась ворожея, задумчиво покусывая палец.

– А то как же! – подтвердил меша, непоседливо поковырявшись в ухе. – Кто ж еще, окромя лоймы, может с неклюдами управиться?

– Так дети Огняры – кадуковы неклюды?! – заключила Ялика, озаренная догадкой.

Бесенок с притворным разочарованием прикрыл лицо ладонью, мелко засеменяв висящими в воздухе копытцами.

– До чего ж вы, смертные, порой глупые, – шумно простонал он, кривляясь. – Ну, конечно, а почто ему человеческие детеныши-то? Свое вернуть хочет.

Опешившая ворожея с отсутствующим видом заходила перед колодцем. Сидящий на краю бесенок с напускным равнодушием принялся наблюдать за ней. Два долгих шага вперед, два – обратно.

Впрочем, её молчаливые раздумья быстро наскучили меше, и он, лихо спрыгнув на землю, стал карикатурно вышагивать вслед за ворожеей, словно передразнивая ее.

– Так! – Ялика неожиданно остановилась.

Бесенок, не ожидавший такого, налетел на нее и, раздосадовано охнув, повалился на землю. Хмурая ворожея, стремительно наклонившись, взяла его за шиворот, резким рывком поставив на ноги, и присела перед ним на корточки так, чтобы ее лицо оказалось вровень с мордочкой растерявшегося духа.

– Ну, а ты-то зачем мне это рассказываешь? – полюбопытствовала она, стараясь заглянуть в глаза меши. – Неужто и вправду моих угроз испугался?

Меша тут же отвел взгляд. Потом попятился, смущенно спрятал ручки за спиной и, уставившись куда-то вниз, принялся скорбно вычерчивать копытцем пологую дугу, поднимая облачка сажи и пепла.

– Тут такое дело... – начал он, подобострастно ослабившись. – В общем, надоело мне пакостить.

Брови ворожеи в изумлении подлетели вверх.

– Баба местная, хоть и глупая была, да понимающая, – продолжил смущенный меша, старательно подбирая слова, будто боясь сболтнуть лишнего. – Едва видеть нашего брата научилась, меня прочь не погнала, хоть и могла, на пакости да шалости мои не серчала особенно, наоборот, лакомства какие подкидывала, сахарку кусочек или варенья миску оставляла.

Он споткнулся на полуслове, словно поперхнувшись.

– Жалко мне стало ее, – пояснил бесенок, видя требовательный взгляд наблюдавшей за ним ворожеи. – Я сдуру и сболтнул, как от Кадука избавиться. Обмануть, стало быть, его.

– А ты знаешь, как? – не поверила Ялика.

– Ведома мне эта тайна, – с загадочным видом кивнул меша и зачем-то погладил обломанный рог. – Да только тебе за просто так не скажу. Сделку предлагаю.

Изумленная ворожея выпрямилась и сверху вниз посмотрела на наглого духа, который тут же предпочел спрятаться за колодцем.

– Сделку, – подтвердил он, настороженно выглядывая из своего убежища. – Я к тебе в услужение пойду, коли ты с Кадуком сладишь.

– И почто ты мне сдался? – удивилась ворожея.

– Эх, молодо-зелено! – тяжело вздохнул меша, выходя из-за колодца. – Я ж про нечисть всякую поболее вас, людей, ведаю. Секреты всякие. Соглашайся! Я тебе, как с Кадуком сладить, поведаю, а ты меня к себе в услужение возьмешь.

Извернувшись, Ялика ловко схватила бесенка за шиворот и подняла над землей. Тот сразу обмяк и умоляюще уставился на нее.

– И чего это ты, мил друг, так ко мне в услужение набиваешься? – ехидно поинтересовалась она.

– Так все одно, – жалостливо заметил меша, нелепо болтая в воздухе ножками. – Я ж перед Кадуком уже провинился. Он и без того меня сил лишил. Так, на мелкие пакости только оставил. А теперь-то после того, как Огнеяра с ним не сладила, он точно в болоте сгноит. А ежели тебе Кадука обмануть сил достанет, то, стало быть, и меня от гнева его защитить сможешь.

Бесенок выразительно сплюнул на ладонь и протянул ее ворожее.

– Ну, что? По рукам? – спросил он умоляюще, доверительно вглядываясь в лицо Ялики.

Неожиданно сильный порыв налетевшего ветра поднял и закружил в воздухе прогоревшую золу, тут же забившуюся в нос ворожеи. Она чихнула, выронив бесенка, который, не теряя времени, отбежал на почтительное расстояние и выжидательно замер, пытливо уставившись на нее. Крупные хлопья пепла, кружащиеся вокруг в неспешном, степенном танце, на мгновение скрыли солнце, погрузив округу в гнетущий сумрак. Впрочем, следующий порыв ветра подхватил пепельное облако, унося его высоко ввысь.

Проводив его слезящимся взглядом и чихнув напоследок еще раз, ворожея взмахнула волосами, стряхивая с них осевшую сажу, и, приветливо улыбнувшись, согласно кивнула ожидавшему ее решения духу. В это мгновение ей почудилось, что где-то рядом, как будто у нее за спиной, удовлетворенно прорычал медведь. Испуганно обернувшись и не найдя взглядом никого, кто мог бы произвести такой звук, она облегченно вздохнула, дивясь своему разыгравшемуся воображению.

Словно не заметив ее испуга, меша вразвалочку подошел к ней и протянул обе ручонки, словно прося поднять его.

Догадавшись, чего он хочет, и рассмеявшись про себя, Ялика подхватила оказавшегося почти невесомым бесенка и усадила себе на плечо.

– Да не на правое же! – тут же скривился дух, ловко перебравшись на другую сторону. – Пойдем, все расскажу, покажу. Нам в сад надобно.

Против ожиданий, сад почти не пострадал от случившегося пожара. Лишь местами на невысокой каменной ограде, отделявшей его от остального имения, виднелись длинные языки подпалин, да вездесущий пепел покрыл листву произраставших здесь яблонь, груш и вишен, на которых, к удивлению Ялики, совсем не было не то, что плодов, даже следов маломальской завязи. Она порывалась было спросить об этом мешу, но, заметив, что тот, насупившись, молча думал о чем-то своем, решила погодить.

В самом же центре сада возвышалась одинокая яблоня, чьи ветви склонились почти к самой земле под тяжестью налившихся красным плодов.

– Эту яблоню муж Огнеяры собственными руками посадил, – пояснил бесенок, обратив внимание на застывший на лице ворожеи молчаливый вопрос. – Давно, когда они только поженились. С ее помощью-то и можно Кадука обмануть.

– Плоды его древа, – догадалась Ялика.

Обрадовавшийся ее сообразительности, меша удовлетворенно кивнул.

– Так поступить надобно, – доверительно начал он. – Кукол из сена сделай, яблоки вместо сердца положи, только капли на них по капле крови деток. Морок навести сможешь, чтобы куклы как живые были?

Внимательно слушавшая ворожея лишь коротко кивнула.

– Сделать это надлежит до того, как лойма вновь явится, – наставительно заметил меша. – В прошлый раз Огнеяра ей помешала завершить дело черное. Не смогла лойма души

детей в единое целое с семенем Кадуковым сплести, что внутри них вызревало, своего часа ожидая. Не успела, поганка, к себе привязать.

– Она уже завершила начатое, – поникшим голосом отозвалась Ялика.

Бесенок уставился на нее округлившимися от ужаса глазами. В следующее мгновение, ловко спрыгнув с плеча, он в панике заметался между остолбеневшей Яликой и яблоней, заламывая в отчаянии ручонки.

– Ох, и угораздило же меня! – заголосил надрывно, задрав голову к небу и закатив глаза. – Надо ж было с такой дурехой связаться! И чего ты раньше молчала-то? Теперь-то точно меня Кадук живьем сожрет.

– По делу говори, – оборвала его причитания ворожея.

– Плохо дело! – заключил поникший бесенок и со злостью пнул копытцем некстати подвернувшийся паданец, отправив его по пологой дуге в глубину сада. – Коли все так, как ты говоришь, то за детьми сам Кадук уже явится. Его, как лойму, простым мороком не проведешь.

– Ну, а делать-то что? – обреченно вздохнула Ялика.

Плюнув под ноги, бесенок задумался, внимательно изучая землю перед собой и растерянно почесывая лохматый затылок. Придя к какому-то выводу, он еще раз отрывисто сплюнул и, упрямо мотнув головой, заявил:

– Тяжело будет. Но коли сдюжишь, то и детей спасешь и Кадука прочь в болота его, не солоно хлебавши, спровадишь.

Он помедлил, словно набираясь храбрости, и торопливо продолжил:

– Перво-наперво, тебе нужно разорвать связь лоймы и детей, а для того придется на изнанку мира отправиться, в Навь, но не в царство Мары, а туда, где все духи, да нечисть обитает. Это будет самое легкое. Там найдешь лойму, у которой семя Кадуково припрятано, с детьми связанное. Одолеешь поганку, в Явь возвращайся. Опосля нужно будет добычу твою связать с мороком подменным, куклами соломенными, стало быть. А когда Кадук явится, то охранять их пуще жизни, чтобы он подвоха не почуял. Едва он куклы приберет, то колдовство вмиг и рассеется, и не будет власти его ни над детьми, ни над миром живых. Придется, проклятому, в болота убираться. Да силу злобную до следующего раза копить.

Договорив, бесенок обреченно плюхнулся на землю, поджав колени к груди и в отчаянии обхватив рогатую голову.

– Да только ты не сдюжишь, – пробубнил он, даже не повернувшись в сторону ворожеи. – Нутром чую, не сдюжишь...

– Будет тебе, – упрямо вскинув подбородок, прервала она его причитания. – Поживем – увидим.

Меша поднял голову, посмотрел на нее печальными глазами, на которых вот-вот готовы были навернуться слезы, и, раздраженно махнув рукой, пробормотал:

– Ступай, нечего лясы точить. Я тебя здесь подожду.

Бросив быстрый взгляд на солнце и прикинув, сколько времени осталось до заката, Ялика торопливо сорвала с яблони два приглянувшихся спелых плода и, спрятав их в котомку, поспешила уйти, оставив за спиной тоскливо всхлипывающего бесенка, одиноко сидящего под деревом.

Едва она переступила порог дома Веданы, как на нее с расспросами налетел Могута, незнамо где раздобывший кольчугу и надевший ее прямо поверх домотканой рубахи.

– Узнала что? – пробасил он, бросив полный надежды взгляд.

Ялика коротко кивнула, присаживаясь на лавку. После чего оглядела горницу, где во всех углах появились пучки сушеных трав, у порога и под окнами горсти рассыпанной соли и золы, а на стенах, где углем, где мелом, были выведены разнообразные защитные руны.

– Ладная работа, Ведана, – одобрительно заметила она и ободряюще кивнула.

– Ото ж! – грустно улыбнулась старушка. – Я дело свое знаю, только сердцем чую, не поможет это. Сказывай, что разузнать удалось.

Утаив лишь о сделке с бесенком, Ялика торопливо рассказала все то, что ей удалось вызнать. Выслушав сбивчивый рассказ, и без того мрачный Могута сделался еще более мрачным и насупившимся, а Ведана, старательно разгладив складки на сарафане и тяжело по-стариковски вздохнув, воинственно заявила:

– Значит, так тому и быть.

Бравый настрой травницы заставил Ялику слабо улыбнуться. Покопавшись в своей котомке, она протянула старушке плотно завязанный мешочек.

– Это одолень-трава, – пояснила она, заметив удивленный взгляд Веданы. – Будем зелье готовить, чтобы я на изнанку мира смогла отправиться, а отвар мое тело живым поддерживать будет, пока душа моя странствует.

Пока старушка кипятила воду и заваривала высушенные цветки, Ялика с помощью Могуты, притащившего со двора здоровенные охапки соломы, мастерила кукол, как и советовал меша.

Когда соломенные чучела были готовы, ворожея придирчиво осмотрела результаты своего труда и удовлетворенно кивнула.

– Душно как-то, – пробормотала Ведана, поставив кружку с дымящимся отваром одолень-травы на стол. – Видать, гроза будет.

– Может, и будет, – согласилась Ялика. – Сейчас другие заботы.

Достав из котомки принесенные с собой яблоки, она решительно отправилась в горницу близнецов. Дети лежали в точно таких же позах, в каких она их видела, уходя из дома с первыми петухами. В горнице стояла удушающая тишина, которую нарушало лишь тяжелое, отрывистое, еле слышимое дыхание пребывающих в забыть и детей. Даже пробивающиеся через небольшое окно лучи яркого солнца не могли разогнать стусившийся полумрак, воцарившийся вокруг, скользя по стенам и полу жалкими и бессильными пятнами бледного света.

– Так и не просыпались, – встревоженно прошептала на ухо ворожее стоящая у нее за спиной Ведана.

Подойдя к безвольно разметавшемуся на кровати Святозару, лицом более походившему на труп, чем на живого, полного сил ребенка, Ялика аккуратно взяла его руку, оказавшуюся мертвенно ледяной, и аккуратно уколола заранее припасенной иглой указательный палец. На посеревшей, будто ставшей полупрозрачной коже тут же выступила ярко-рубиновая капля крови. Налившись, она сорвалась с кончика пальца и, сверкая и переливаясь всеми оттенками красного, тягуче упала на подставленное ворожеей яблоко, мгновенно растекаясь тонкой, слабо мерцающей пленкой по его поверхности. Затаив дыхание, Ялика заворожено наблюдала, как кровь медленно, словно нехотя, впитывается в кожу яблока, из глубины которого стало пробиваться пульсирующее в такт сердцу ребенка алое, едва заметное сияние.

То же самое повторилось и с кровью Лады, обagrившей второй плод, после чего ворожея бережно убрала оба бьющиеся в унисон тусклым багровым светом яблока в карман сарафана.

– Пожалуйста, принеси отвар, – попросила она внимательно наблюдающую за ее действиями травницу.

С сомнением покачав головой и горестно вздохнув, та вышла из горницы, что-то тихо бормоча себе под нос. А когда вернулась, аккуратно сжимая в руках кружку с отваром, ворожея, прикрыв глаза, сидела на полу, обхватив руками поджатые к груди колени – точь-в-точь как неродившийся младенец в утробе матери. Дыхание ее сделалось почти неотличимым от дыхания лежащих на кроватях близнецов: такое же едва уловимое, размеренно шелестящее в густой тишине. Рядом с ней стояла открытая котомка и два стеклянных пузырька: в одном, почти пустом, на дне мутно поблескивала вязкая маслянистая жидкость, в другом, напротив, почти полном, искрилась, напоминая чистейший горный хрусталь, прозрачная вода, будто

сотканная из света. Услышав осторожные шаги, Ялика заторможенно, словно отчаянно борясь со сном, подняла голову.

– Если до захода не проснусь, – апатично произнесла она, – дашь мне этим напиток. Это живая вода.

С этими словами ворожея передала травнице искрящийся пузырек, забрав из ее рук кружку. Та понукливо кивнула.

– Опасное ты дело, пресветлая, затеяла, – скорбно покачала головой старушка, крепко зажав в руке блестящую склянку. – Не дело это, с живой и мертвой водой играть.

Сумрачная Ялика, упрямо промолчав, отрывисто плеснула в кружку все содержимое второго пузырька. На секунду задумавшись и набрав полную грудь воздуха, будто собираясь нырнуть в бездонный омут, она одним глотком, как это делают запойные пьяницы, осушила кружку, запрокинув голову далеко назад и прикрыв глаза в ожидании.

Неведомая сила тут же стремительно потянула ее за спину, больно ударив об пол, а в следующую секунду, будто хорошо встряхнув, вытолкнула вперед. В ушах зашумело. Сердце, захлебываясь, сорвалось в безумный галоп, отдаваясь в голове болезненным гулом, который с каждым биением делался все тише и тише, пока не смолк насовсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.